

ВИКТОРИЯ ЖУРАВЛЁВА

ЛИЛОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

Виктория Журавлёва

Лиловые лепестки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68674553

SelfPub; 2023

Аннотация

Было это давным-давно, в тихом городке, где жила увлечённая ботаникой девочка. В жизни её не случилось ничего особенного, но лишь до тех пор, пока девочке не открылась удивительная лесная тайна. Это история о доверии и вероломстве, об испытании дружбы, о загадках прошлого и настоящего, а ещё о необыкновенных чудо-деревьях, с которыми однажды произошло нечто странное...

Виктория Журавлёва

Лиловые лепестки

Глава 1

В стародавние времена в одном далёком краю, за высокими седыми горами и вековым лесом, среди цветущих лугов стоял городок. И не сыскалось бы ни в прежние годы, ни ныне другого подобного ему. Городок тот не мог похвастать ни величественными строениями, от одного взгляда на которые захватывает дух, ни знаменитыми жителями, слава о которых гремит на весь мир. Был он совсем невелик: почти каждый живший там, ничуть не покривив душой, мог заявить, что хорошо знаком с доброй половиной горожан, а о другой половине наслышан от знакомых.

Кто-то счёл бы жизнь в подобном месте скучной и незаглядной, но только не сами горожане. Все как один сходились они во мнении, что нет на свете города прекрасней. Горожане вовсе не слыли домоседами и многие нередко пускались в дальние странствия, желая повидать мир. И всё же всякий раз, возвращаясь домой и делясь с роднёй и соседями яркими впечатлениями, путешественники неизменно добавляли к своему рассказу, что ни за какие сокровища не согласились бы они оставить родной город и перебраться в другой край, каким бы чудесным он ни был. Всею душой любили жители городка его тихие ровные улочки, уютные белокаменные

дома и тенистые зелёные сады. С радостью и удовольствием они холили и лелеяли свой город, и тот отвечал им взаимностью: печали и невзгоды обходили их стороной, и жизнь текла мирно и спокойно. И не было ни одного чужеземца, который, побывав здесь, не отметил бы добрый нрав местных жителей.

Жители городка во многом умели находить радость. Любили они сытно поесть, поболтать с соседями, послушать бродячих музыкантов, что нередко наведывались в приветливый край, а порой и просто не спеша погулять по окрестностям в солнечный день.

Природу, прекрасные её творения и щедрые дары, ценили они превыше всего на свете и потому стремились подражать ей во всём, что создавали сами. Женщины любили носить платья цвета молодой весенней травы, нежных маргариток и солнечных лютиков, мужчины предпочитали оттенки бархатного мха и тёплой древесной коры, а детям шились наряды всех цветов радуги.

На большой круглой площади, в самом сердце города, прямо перед башней с часами выстроен был чудесный мраморный фонтан, в середине которого будто бы росло стройное дерево. Мастера-каменщики постарались на славу, и дерево тянуло к солнцу искусно вырезанные мраморные веточки совсем как настоящее. А вечерами, сразу после захода солнца, на нём загорались сотни огоньков. Они светились и мерцали, словно стайки светлячков. Поговаривали, будто тут

не обошлось без волшебства, ведь на дереве не было видно ни единой свечки, и огоньки вспыхивали сами по себе, словно из воздуха.

То тут, то там на улицах виднелись пёстрые цветочные клумбы, изящные деревянные скамейки, по спинкам которых вились затейливые узоры из листьев, и стройные фонари, оплетённые коваными лозами плюща и винограда.

Всё вокруг радовало и восхищало горожан, но больше всего любили они диковинные деревья, что росли неподалеку от города, на невысоком холме за тонкой речкой.

Деревья эти были совершенно необыкновенными: нигде больше, обойди хоть весь белый свет, не встретить было их сородичей, и отчего так – люди не знали. Говорили, будто некогда, в незапамятные времена, подобных деревьев было куда больше, и пусть росли они не в таком изобилии, как другие, и всегда почитались редкостью, всё же нет-нет да и попадалась на глаза путникам небольшая рощица этих чудесных растений. Теперь же они почти исчезли и те, что росли на холме, можно было перечесть по пальцам, а потому жители городка относились к ним с особым трепетом и даже никогда не подходили слишком близко, боясь ненароком навредить.

Исключительной своей красотой чудо-деревья завораживали всякого, кто приходил к холму посмотреть на них. Каждое растение, что живёт на свете, прекрасно по-своему, однако в этих было нечто исключительное, и в памяти любого,

кому хоть раз посчастливилось увидеть их, навсегда оставался их дивный облик, а в душе – радость и восхищение.

Высокими и стройными были те деревья. По гладкой коре цвета топлёного молока вились тончайшие золотые жилки. Они причудливо переплетались, мерцая в лучах солнца, и казалось, будто от деревьев исходит мягкое нежное сияние. Изящные гибкие ветви были усеяны простыми зелёными листьями, которые на первый взгляд ничем особенным не выделялись, разве что по самому их краю вилась тонкая золотая кайма. Однако, когда часы на городской башне били полдень, а солнце, что стояло высоко в небе, не было скрыто тучами, кроны деревьев как по волшебству преображались: листья словно стряхивали с себя зелёную краску и взамен покрывались блестящей позолотой. В таком роскошном наряде стояли деревья около четверти часа, а затем возвращали себе прежний вид.

Когда же случалось так, что день выдавался ненастным, кроны оставались зелёными, однако после дождя люди могли увидеть ещё одно чудо: стоило хмурым тучам рассеяться, как над рощицей вспыхивала радуга и была она куда ярче тех, что обычно появляются в таких случаях. В воздухе при этом разливалась мелодия, нежная, словно перезвон колокольчиков, и птицы вторили ей. Говорили, будто это деревья поют, радуясь возвращению солнца.

По весне удивительные растения покрывались тысячами цветков с лиловыми лепестками и жёлтой сердцевинкой, и

вся округа наполнялась тонким медовым ароматом. А в самом конце осени, словно втайне сговорившись между собой, они за один-единственный день разом сбрасывали зелёные одежды, и листья почти тотчас делались бурыми и засыхали. А на завтра, с рассветом, к роще неизменно являлись диковинные чёрные, словно уголь, пауки. Каждый величиной почти с кошку, поблёскивая в лучах солнца серебристыми спинками, неторопливо тянулись они вверх по холму. Добравшись до вершины, пауки принимались заботливо, не пропуская ни единой веточки, сверху донизу опутывать деревья мягкой, но прочной паутиной, чтобы уберечь нежные создания от зимней стужи.

Всякий раз посмотреть на это собиралось немало людей. Держась на почтительном расстоянии и тихо переговариваясь, горожане следили за тем, как ловкие мохнатые лапки обвивают паутиной ветви деревьев. Подходить близко люди не решались – одни опасались спугнуть пауков, другие сами их побаивались. Однако ни на тех, ни на других пауки не обращали ни малейшего внимания, всецело поглощённые своим занятием. Завершив труды, они спускались на землю и не спеша отправлялись в обратный путь. Тепло укутанные, чудо-деревья оставались ждать первого снега, а люди шли праздновать начало зимы.

Ах, что за праздник тогда устраивали! Готовились к нему заранее, и каждое семейство старалось превзойти остальные – кто в причудливости праздничных блюд, кто – в украше-

нии жилища, а кто – в том и другом сразу.

На улицах городка развешивались гирлянды из серебряных снежинок, в витринах местных лавочек вырастали горы снежков из сахарной ваты, а на мраморном дереве фонтана появлялись игрушечные паучки, которые то деловито сновали по стволу, то раскачивались на верёвочках, свесившись с веток.

Днём горожане отправлялись к соседям с угощением: они несли с собой политые глазурью пышные кексы, хрустящее печенье с карамельной паутинкой, пузатые баночки с ароматным вареньем и нежнейшие зефирные облачка. Вечером же в городке устраивалось грандиозное представление с фейерверками: искрясь и шипя, взмывали они в тёмное небо и оборачивались то целым лугом огненных цветов, то стайками нарядных бабочек и птиц, то причудливыми узорами, а то россыпью сверкающих звёзд. Когда гасла последняя искра, горожане поздравляли друг друга и расходились по домам поужинать в тепле и уюте.

В ту пору, когда началась эта история, до зимнего праздника было ещё далеко. Весёлое добродушное лето царило в городке, радуя всё живое теплом и яркими красками. Задорное солнце щедро дарило земле ласковые лучи, а в кронах деревьев плясал лёгкий ветерок.

И вот в один из таких чудесных дней, в послеобеденную пору, по небу бежали лёгкие облака-барашки, а по улице шла девочка. Светлые, почти белые волосы её пушились и забав-

но торчали во все стороны, отчего девочка походила на ещё одно облачко, которому будто наскучило гулять по небу и вздумалось пройтись по земле. Но, разумеется, ни у одного облака не было такого яркого румянца, увидев который в день, когда девочка появилась на свет – а было то в самом начале лета, когда из сада доносился дивный аромат роз, – счастливая мама без раздумий нарекла дочку Розалетой. Чаще всего, впрочем, все вокруг именовали девочку попросту Летой. Так будем звать её и мы.

Итак, Лета шла по улице и на душе у неё было радостно. То и дело с гордостью поглядывала она на своё новое платье из чудесного медового льна, искусно расшитое переливчатыми легкокрылыми стрекозками. В одной руке она несла круглую коробку, а другой прижимала к себе главное своё сокровище – большой альбом с красивой резной обложкой, на которой крупными буквами были старательно выведены слова: «*Лучший гербарий на свете*».

Однако самым ценным в альбоме была не обложка, а то, что хранилось под ней. С того самого дня, как девочка получила его в подарок, она не упускала случая побродить по окрестностям в поисках самых красивых и необычных, на её взгляд, растений. Заметив очередной причудливый лист или яркий цветок, она несла его домой и вкладывала в толстую книгу, чтобы потом бережно наклеить на бежевые страницы альбома.

Лета до того увлеклась составлением своей коллекции,

что с гербарием почти никогда не расставалась. Вот и теперь, отправившись выполнять мамино поручение, она взяла его с собой. Тихонько напевая себе под нос старинную песенку и гадая, какие ещё удивительные находки ждут её впереди, Лета не заметила, как оказалась у дома с большой витриной и выкрашенной голубой краской дверью. Вывеска на углу дома гласила: *«Лавка Селесты. Специи и пряности со всего света»*.

Сюда-то Лета и направлялась. Она толкнула дверь, и до её слуха донёсся мелодичный перезвон колокольчиков, а за ним – голос из глубины дома:

– Одну минутку! Уже иду!

За голосом последовали лёгкие шаги по лестнице, и перед Летой предстала хозяйка дома, которую все без исключения жители городка называли не иначе как тётушка Селеста.

На румяном личике Леты расцвела широкая улыбка – девочка очень любила тётушку Селесту и всякий раз, когда выдавался случай, охотно бывала у неё в лавочке, с пола до потолка заставленной деревянными полками с баночками, ящичками и коробочками всех мастей. Да и как было её не любить! Тётушка Селеста была женщиной добродушной и весёлой. Когда она улыбалась, вокруг глаз её появлялись задорные морщинки, а смеялась она звонко и заливисто.

– Ах, это ты, голубка! – защебетала тётушка Селеста, едва Лета успела поприветствовать её. – Иди сюда поскорей! Что за прелестная у тебя обновка! Я всегда говорила: у твоей

матушки золотые руки! Повертись-ка... Ах, чудо, а не платье! – Она осмотрела девочку со всех сторон и тут лукаво прищурилась. – А эта коробка, верно, для меня?

Лета кивнула. Тётушка же продолжала:

– Что же там такое?.. Нет-нет, не спеши отвечать. Сохраним эту тайну ещё немного – это так увлекательно! – Она усадила девочку на стул у прилавка и добавила: – погоди минутку, я кое-что тебе принесу.

С этими словами она упорхнула на кухню, что помещалась в глубине дома, и вскоре вернулась с блюдом, на котором высилась горка румяных и мягких, словно пух, булочек. Лета с благодарностью принялась за угощение, и было оно таким восхитительным, что она едва не забыла о ещё одной маминой просьбе. Она поспешно сообщила, что мама отправила её за корицей и просила напомнить о том, что вечером тётушку Селесту ждут к ужину.

– Не торопись, голубка, – ответила на это тётушка. – Еда не любит спешки. Будешь торопиться – потеряешь половину удовольствия. Ешь спокойно, а я тем временем посмотрю, что ты мне принесла.

Сказав так, она приподняла крышку коробки, заглянула внутрь и ахнула.

– Твоя матушка не перестаёт меня удивлять! – воскликнула она, с восхищением глядя на изящную, затейливо украшенную лентами соломенную шляпку. – Это в точности то, что я хотела! И даже лучше! Ах, ну что за прелесть! Я непре-

менно должна её примерить!

Пока тётушка Селеста примеряла обновку наверху, Лета рассматривала витрину. Всякому было известно, что больше всего остального – больше чудесных булочек, которыми тётушка Селеста лакомила сама и угощала гостей, и даже больше ярких шляпок, что водились у неё в огромном количестве, – любила она маленьких птичек. И потому вовсе не удивительно, что витрину её лавочки украшала стайка этих пернатых созданий. Тётушка Селеста сама вырезала их из дерева или плотной бумаги, раскрашивала в светлые тона и развешивала на тонких, едва заметных верёвочках. Ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем поселить в доме ещё одну птичью фигурку. Жила тётушка Селеста прямо над собственной лавочкой, и Лета знала, что и на втором этаже куда ни глянь – отыщешь тётушкиных любимиц: на вышитых подушках, среди горшков с цветами и даже на коробке с рукоделием.

Временами, когда у тётушки Селесты бывали гости, она со смехом, однако не без тайной гордости, говаривала: «Видите, до чего дошло! Скоро здесь вовсе не останется места – всё захватили эти крылатые хитрецы. Стобит пустить в дом одного, как тотчас за ним является целое полчище. Не иначе как придётся мне переселиться в гнездо».

Порой Лете казалось, что тётушка Селеста и сама похожа на птицу. Хотя та была весьма полной женщиной, двигалась она на удивление легко и изящно. И среди знакомых

Леты не нашлось бы никого, кто смеялся бы так же заливи-сто и мелодично, как тётушка Селеста. К тому же она до того увлекательно рассказывала разные истории, что не заслу-шаться было совершенно немислимо. По большей части бы-ла это какая-нибудь весёлая небылица, которую тётушка Се-леста неизменно называла чистой правдой и добавляла, буд-то слышала её то от двоюродного дедушки своей подруги, то от жены троюродного брата одного старого знакомого. «Вы же знаете, жёны троюродных братьев никогда ничего не сочи-няют», – серьёзно говорила она, и все вокруг заливались смехом.

Лета была уверена, что нынче вечером услышит новую ис-торию, и гадала, что же тётушка Селеста выдумала на сей раз. Та же тем временем вернулась, села рядом и спросила:

– Ну что, голубка, понравилось ли тебе угощение?

– Ещё бы! – с чувством ответила Лета.

– Верный ответ, – довольно улыбнувшись, отозвалась тётушка Селеста и вручила девочке маленький мешочек. – Вот тебе корица для мамы. А вечером и ты получишь кое-что приятное.

В глазах Леты вспыхнуло любопытство, но спрашивать она не стала. Она снова поблагодарила тётушку Селесту, за-брала попку и отправилась домой.

Остаток дня она рассматривала большую красочную кни-гу, в которой описывались диковинные растения дальних стран, и представляла, как однажды увидит их собственны-

ми глазами.

– Сколько же альбомов понадобится, если я захочу собрать все растения на свете? – спросила она у мамы, которая готовила ужин.

– Боюсь, милая, в нашем доме столько не поместится, – с улыбкой ответила та. – Так что выбирай с умом. А пока отложи-ка книгу и пойдй помоги мне.

Работа у них спорилась, и вскоре по дому разлился изумительный аромат яблочного пирога, а следом пришла и тётушка Селеста с коробкой, доверху наполненной сливочным печеньем.

– Случалось ли тебе, голубка, слышать о сире Растеряхе Мечтательном? – спросила тётушка Селеста за ужином. – Нет? Тогда послушай...

Жил некогда на свете рыцарь. Был он небогат и особой славы себе не снискал, а потому непрестанно грезил о великих подвигах, воображая, что однажды настанет день, когда имя его будет греметь повсюду. И грёзы эти иной раз так захватывали его, что славился он разве что своей необычайной рассеянностью.

Как-то раз рыцарь этот, прослышав о турнире, что устраивали в соседнем городе, несказанно обрадовался. Он ничуть не сомневался, что без всякого труда сможет одолеть любого, самого умелого соперника в этом нелёгком и почётном деле, и так размышлялся о своей блистательной победе, что отправился в путь, напрочь позабыв о лошади, а в придорожной

гостинице, где остановился на ночлег, поутру оставил ещё и все свои доспехи и оружие в придачу. Весь путь до города он проделал, беспечно насвистывая весёлые песенки, и ни разу не задумался, отчего стало ему так легко идти и почему он не слышит цокота копыт. Пропажу обнаружил он не ранее чем оказался у самых городских ворот. Стражники, преградившие ему путь, осведомились, кто он такой и зачем прибыл в город.

«Но где же ваш добрый конь, сир?» – удивились они, когда рыцарь представился и сказал, что явился на турнир.

«Вы что же, ослепли и не видите?» – вознегодовал тот и обернулся, чтобы указать бестолковым стражникам на свою лошадь, однако увидел лишь пустую дорогу. В полном замешательстве он вновь повернулся к городским воротам, не зная, что и сказать.

«Как видно, господин, вам попался слишком уж своенравный скакун, – тем временем продолжали стражники. – Он не только сбежал сам, но и прихватил с собой меч и латы».

Растерянный рыцарь открыл было рот, чтобы возразить им, но тут и сам обнаружил, что при нём и вправду нет ничего, чем положено владеть настоящему воину.

Стражники же, глядя, с каким глупым видом явившийся к ним чужак осматривает себя, подняли незадачливого рыцаря на смех, и пришлось тому отправляться восвояси несолоно хлебавши. На обратном пути он всё же отыскал забытые в гостинице меч и доспехи, а дома, конечно, нашлась и ло-

шадь. С той поры, однако, о турнирах он больше не грезил и, к немалому удивлению соседей, принялся выращивать тыквы, задумав прославиться на ином поприще. Молва о рассеянном рыцаре разнеслась по всей округе, и с тех пор прозвище Растеряха Мечтательный накрепко к нему пристало.

Слушая эту историю, Лета в глубине души понимала: стоило бы пожалеть бедолагу-рыцаря; однако тётушка Селеста представила всё так забавно и до того потешно изображала мечтательное выражение на лице сира Растеряхи, что девочка только покатывалась со смеху.

А когда пришло время чая, и мама поставила на стол румяный яблочный пирог, тётушка Селеста, таинственно улыбнувшись, извлекла из складок платья небольшой конверт и вручила его Лете.

– Посмотри-ка, голубка, что я нашла, – сказала она. – Думаю, тебя это порадует.

Девочка заглянула в конверт и замерла от удивления.

– Не может быть, – наконец прошептала она.

– Что же там такое, дочка? – любопытствовала мама. – Дай-ка и мне взглянуть.

С величайшей осторожностью Лета вытянула из конверта его содержимое, и мама увидела два крохотных зелёных листика с тонкой золотой каймой, которые держались друг за друга черенками, как держатся за руки неразлучные друзья. Сомнений не было: листики эти принадлежали одному из чудо-деревьев, что росли на холме за городом.

– Хм, и правда «не может быть», – пробормотала мама. – Откуда же они взялись, Селеста? Ведь ещё так рано.

– Я нашла их у речки, – ответила тётушка Селеста и пожала плечами. – Должно быть, их сорвало ветром.

– Может, и так, – задумчиво произнесла мама, – и всё-таки...

– Не думаешь же ты, дорогая подруга, что кто-то побывал в роще? – удивилась тётушка. – И уж тем более никто не стал бы срывать с деревьев листья. Такое варварство строжайше запрещено. Нет-нет, я совершенно уверена: ни один человек не решился бы на подобное!

– Согласна, – сказала мама, – но ведь это так необычно. Их листики очень крепко держатся на ветках, а сильных ветров у нас давно не бывало.

– Я бы так не сказала, – возразила тётушка Селеста. – Могу поклясться, что не далее как два дня назад всю ночь стучали ставни, а в трубе жутко завывало.

– Право, ты преувеличиваешь, – улыбнулась мама.

– А ты волнуешься по пустякам, – заявила тётушка Селеста. – Это просто ветер, ничего иного и быть не может.

Потом они заговорили на другую тему. Погружённая в собственные мысли, Лета какое-то время слышала голос тётушки, которая говорила что-то о «совершенно очаровательном» узоре на отрезке ткани, что она купила у заморского торговца, но затем девочку начало клонить в сон, и мама отправила её в постель. А ночью ей привиделись чудо-деревья.

Они сияли в лучах солнца, шептали что-то непонятное и тянули свои гибкие ветки к Лете, словно бы маня её к себе. А на земле, в тени деревьев, сидел сир Растеряха Мечтательный и с грустью смотрел куда-то вдаль.

Глава 2

Назавтра Лета проснулась чуть свет. Она взглянула в окно, из которого виден был холм за речкой, и смутное волнение шевельнулось у неё в душе. Всё вокруг, казалось, было привычным и знакомым, но вместе с тем неуловимо переменялось, и словно некая сила влекла девочку неведомо куда.

Завтракала она в глубокой задумчивости, а после, когда помогала маме мыть посуду, выронила из рук тарелку, и та с громким звоном разбилась.

– Что это нынче с тобой, дочка? – спросила мама. – В каких краях витают твои мысли?

Не зная, что ответить, Лета смутилась, пожала плечами и виновато взглянула на маму. Та вздохнула, взяла метлу и принялась убирать осколки.

– Невелика беда, милая, – сказала она. – Однако ты всё же будь повнимательнее, посуда нам ещё пригодится. – Мама отставила метлу и с тревогой взглянула на дочку. – Уж не заболела ли ты?

Лета покачала головой и тут вдруг поняла, куда её влекло всё утро.

– Я всё думаю о листиках, что нашла тётушка Селеста, – сказала она. – Что, если там отыщутся такие же, только круп-

нее? Эти уж очень малы.

– Сомневаюсь, – сказала мама. – Как по мне, это пустая затея. Но раз тебе так хочется, попробуй. Только обещай, что дальше речки не пойдёшь – скоро мне понадобится твоя помощь.

Лета с готовностью дала обещание. Она поцеловала маму и, захватив альбом, поспешила на улицу.

Раскинувшийся за городом луг был прекрасен: шелковистая трава дышала чистотой и свежестью, а скромные полевые цветы, словно в танце, покачивали головками, купая в лучах солнца нежные лепестки. Окинув луг взглядом, Лета впервые пожалела, что на дворе не осень. Как же отыскать маленькие листики среди всей этой пышной красоты? И всё же девочке совсем не хотелось отступаться от своей задумки. Отбросив сомнения, она принялась за поиски. Лета исходила весь луг вдоль и поперёк, ей попадались листики самых разных форм и оттенков, однако ни одного зелёного с тонким золотым ободком среди них, увы, не было.

Со вздохом взглянула Лета на речку и отчего-то подумалось ей, что заветные листики непременно отыщутся где-то там, за быстрыми прозрачными водами. Стóбит лишь перейти на ту сторону по каменному мостику – и она их тотчас увидит. Но нарушить обещание Лета не могла и потому, в последний раз окинув взглядом окрестности, побрела домой.

– Ну что, милая, нашла что-нибудь? – спросила мама, когда Лета вернулась.

Та покачала головой.

– Это к лучшему, – сказала тогда мама. – Стало быть, с деревьями всё благополучно. Тебе и самой известно, как отличаются они от всех прочих и как диковинно себя ведут.

– Известно, – ответила Лета. – Вот только отчего они такие?

– Если бы я знала. – Мама пожала плечами. – Это давняя тайна. Никому до сих пор не удалось её разгадать и вряд ли удастся.

– А мне бы так хотелось отыскать ещё хотя бы один листочек, – сказала Лета.

– Тебе и без того уже посчастливилось, – заметила мама. – Редкому человеку удаётся подержать в руках лист чудо-дерева, пока тот ещё зелен. Но кто знает, быть может, в этом году тебе повезёт, и осенью ты получишь ещё листик-другой, если ветер успеет унести их с холма, пока они не засохли.

– А если нет? – спросила Лета. – Придётся ждать ещё целый год?

– Придётся, – подтвердила мама. – А может, ещё год, и ещё... Дочка, у тебя уже есть целых два листика. Разве мало? Пусть они невелики, нужно уметь быть благодарным за то, что имеешь. Рассуди сама: ведь ты могла не получить ни одного, если бы тётушка Селеста их не нашла.

– Да, верно, – сказала Лета и немного повеселела. – А ты расскажешь, как появились чудо-деревья?

– Разве я не рассказывала? – удивилась мама. – Сдаётся

мне, ты уже слышала эту историю.

– Слышала, – согласилась Лета, – но это было так давно, что я успела позабыть. Ты расскажешь ещё раз, мамочка?

– Что ж, раз тебе хочется, – ответила та. – Вот только сейчас не время – у меня много работы в саду, а ещё нужно сходить на рынок и закончить шляпку для жены гончара. Потому подожди до вечера. А пока ты мне очень поможешь, если возьмёшься навести порядок в этих коробках – там всё вконец перепуталось.

Лета с готовностью принялась перебирать разноцветные ленты, брошки и пуговицы, и занятие это так её увлекло, что она не заметила, как подошло время обеда. А вечером, когда на город опустились сумерки, и Лета готовилась ко сну, мама поведала ей легенду о чудо-деревьях.

– Никто не знает наверняка, когда и как они появились, – начала она. – Одни говорят, будто деревья эти жили всегда, с самого начала мира. Иные утверждают, что было время, когда на свете не было ни единого такого растения, и чудо-деревья родились, когда мир был уже стар. Однако даже между теми, кто держится этого мнения, нет согласия в том, откуда взялись чудо-деревья.

Самая расхожая легенда гласит, что в стародавние времена жил где-то на севере великан. И вот однажды отправился он в путь, желая повидать иные края. Долго бродил он по свету и наконец, утомившись, опустился на землю, чтобы отдохнуть и набраться сил. Многие века спал великан крепким

сном на земле и был неподвижен, словно камень, а потому со временем люди стали принимать его за гору. Настала пора, когда великан и вправду начал каменеть, и на широкой спине его выросли травы и деревья.

Но однажды что-то нарушило его сон. Спящий гигант глубоко вздохнул, отчего земля вокруг сотряслась и покрылась трещинами и разломами. Великан сел, протёр глаза огромными руками и потянулся, чтобы размять кости и мускулы, которые за долгие столетия онемели и теперь двигались с трудом. Дыхание его было подобно раскатам грома, а глаза полыхали огнём и метали молнии. Несмотря на грозный облик, великан не был злым и никому не хотел причинять вреда, однако люди, жившие неподалеку, пришли в ужас от того, что увидели, и в страхе бежали прочь без оглядки.

Но один маленький мальчик всё-таки оглянулся и увидел, как великан поднялся с земли и выпрямился во весь свой исполинский рост. Голова его оказалась далеко за облаками. Великан снова потянулся, и случилось так, что задел он руками небо, где спали звёзды. И тогда, потревоженные великаном, многие звёзды проснулись и вспыхнули ярким светом. А поскольку он по случайности сбил их с небосвода, звёзды, сияя, упали на землю.

Великан снова двинулся в путь, и больше его не видели. Может статься, что забрёл он куда-то далеко, в безлюдные края, где снова сморил его сон, и там выросла новая гора. Однако о том никому не ведомо. А звёзды, что упали с неба,

попав в землю, превратились в золотистые семена. Семена проросли, и спустя несколько лет из них родились прекрасные чудо-деревья.

– И поэтому деревья светятся? – спросила Лета. – Оттого, что раньше были звёздами?

– Пожалуй, что так, – ответила мама.

Лета призадумалась:

– Но если с неба упало много звёзд, отчего же деревьев так мало? Куда подевались остальные?

– Никто не знает, милая, – ответила мама. – Но говорят, будто звёздам, упавшим на землю, их новый дом совсем не понравился. И так тосковали они по небу, что, став деревьями, неустанно тянули свои ветви к солнцу. Шло время, и вот настал день, когда одно дерево вдруг снова обернулось звездой, и та взмыла ввысь. Так, одно за другим, в течение долгих лет деревья возвращали себе прежний облик и улетали в свой небесный дом.

– Значит, и наши вернутся на небо? – с грустью спросила Лета.

– Скорее всего, – ответила мама. – Если легенда правдива, наши деревья тоже однажды обратятся звёздами. Но ты не грусти. Я уверена: они покинут нас ещё очень нескоро, а может, и вовсе останутся навсегда, кто знает... С тех пор как стоит наш город, роща на холме не стала меньше ни на одно дерево.

От этих слов Лета повеселела, а позже, уже засыпая, по-

думала, что было бы любопытно посмотреть, как звёзды возвращаются на небо, хоть это и означало бы больше не видеть чудесных деревьев. С этой мыслью девочка погрузилась в сон, и пригрезилось ей тёмное ночное небо и яркие звёзды, которые с радостью приветствовали своих потерянных сестёр.

На следующий день, после обеда, она опять собралась на луг, только теперь решила дойти до самого холма, где росли чудо-деревья. В голове её вдруг поселилась новая мысль: что, если пришло время и одно из деревьев готово вновь стать звездой? И что, если это случится именно сегодня, а она не увидит?

Услышав это, мама улыбнулась, но ничего не сказала. Пообещав быть осторожной и не уходить далеко, Лета, воодушевлённая, взяла любимый альбом и зашагала к холму.

Дважды обошла она холм, вглядываясь в рощу – не происходит ли там что-нибудь необычное. Но всё было по-прежнему. Лёгкий ветерок обдувал деревья, а те, как и раньше, поблёскивали золотыми жилками на коре и двигаться с места, как видно, не собирались.

Подождав ещё немного, Лета решила, что занятие это не из самых увлекательных. Ей наскучило без толку ходить вокруг рощи, а потому она рассудила, что лучше уж вернуться к любимому делу. Уткнувшись взглядом в землю, она принялась высматривать в траве цветы, которые могли бы стать достойным продолжением её коллекции, и до того увлеклась,

что не заметила, как добралась до края луга и оказалась у кромки леса, что раскинулся до самых гор вдали.

Высокие деревья обступили её со всех сторон, но девочка, поглощённая любимым занятием, не замечала их. Всё дальше и дальше шла она и остановилась, лишь когда путь ей преградил ствол упавшего дерева.

Тут только Лета огляделась и поняла, что солнечный луг остался далеко позади, а сама она забрела в незнакомый лес. Как же далеко она зашла? Ответа на этот вопрос Лета не знала. Куда ни глянь, вокруг одни деревья да кусты. Место это не было похоже на жуткую глухую чашу, где темно даже днём, но Лета всё равно испугалась, ведь никогда прежде не доводилось ей бывать в лесу, и что полагается делать тому, кто там окажется, она не знала. Она не была уверена, в какой стороне находится луг, а значит – и куда идти, чтобы попасть домой.

Она снова огляделась и тут увидела едва заметную узкую тропинку, которая тянулась между деревьями, будто пытаясь спрятаться за ними. «Может быть, я пришла сюда по этой тропинке? – подумала Лета. – Тогда нужно просто пойти обратно». Однако её одолевали сомнения. Что, если это совсем не так, и тропинка лишь глубже заведёт её в лесную чашу? Лета принялась раздумывать, как лучше поступить: довериться тропинке, а может, и вовсе остаться на месте и надеяться, что её найдут? Как же, наверное, будет волноваться мама, когда Лета не вернётся вовремя!

От этой мысли ей стало совсем горько. По её розовым щёчкам скатились две слезинки, и тут Лета увидела нечто, чего прежде не было: вдалеке, среди деревьев, вспыхнул и замерцал зелёный огонёк. Он плыл по лесу, то скрываясь за кустарником, то снова выныривая.

Как замороженная наблюдала девочка за таинственной изумрудной искоркой, не в силах пошевелиться. А между тем огонёк становился всё больше и ярче, и Лета поняла, что он движется напрямик к ней. Всё ближе и ближе подбирался огонёк, и только Лета подумала, что вот-вот разглядит, что это такое, как огонёк вдруг погас.

И тут Лета вздрогнула от неожиданности, потому что прямо перед ней возникло престранное существо. Было оно того же роста, что и она сама, и больше всего напоминало низенького старичка.

Впрочем, Лета не успела толком рассмотреть его. Она увидела лишь пышную бороду и единственный зелёный глаз, который внезапно вспыхнул ярким недобрым огнём и не мигая уставился на неё. А в следующий миг существо странно фыркнуло, и у неё в голове раздался низкий голос.

«Убирайся! – прогудел голос. – Немедленно!»

Лета до того испугалась, что не смогла даже вскрикнуть – вместо крика у неё вырвался лишь тоненький мышинный писк. Она попятилась, споткнулась о какой-то торчащий из земли корень и упала, выронив альбом. Сердце её колотилось в груди, словно маленький перепуганный зверёк, руки

и ноги дрожали, а в голове не осталось ни единой мысли.

Кое-как Лета вскочила на ноги и бросилась бежать по тропинке, не думая уже, куда та может её завести. Она желала лишь одного – поскорей убраться подальше от жуткого неведомого существа. Она бежала и бежала без оглядки и казалось ей, будто прошла целая вечность, а лес всё не кончался. Неужели она вконец заблудилась и не увидит больше ни маму, ни тётушку Селесту, ни свой прекрасный город?

И вот, когда отчаяние почти овладело её душой, Лета поняла, что лес начал редеть. С трудом переводя дыхание, она остановилась. К её великой радости, лес наконец закончился, и вместо него Лета увидела знакомый луг, холм с рощицей чудо-деревьев и тонкую речку, а за ней и маленькие фигурки домов. Счастью её не было предела!

– Что это с тобой, милая? – спросила мама, встретив Лету на пороге и в беспокойстве осматривая её исцарапанные руки и перепачканное платье.

– Ничего особенного, – ответила та и нерешительно добавила: – просто споткнулась и упала.

Она рассудила, что лучше не раскрывать всей правды, ведь ей было запрещено уходить далеко, а тем более забредать в лес. Обманывать маму Лете было совсем не по душе, но уж очень она испугалась, что в наказание ей надолго запретят выходить из дома.

– Ох, горе ты мое... – покачав головой, сказала мама и отправила дочку умыться и сменить одежду.

Вскоре Лета, чистая и умиротворённая, сидела в гостиной. Домашний уют и тепло маминых рук, которые заботливо смазали царапины пахучей травяной мазью, совершенно успокоили её. Она почти позабыла и лес, и диковинное существо, как вдруг поняла, что лишилась драгоценного альбома, который так долго заполняла чудесными находками.

Утрата гербария, с которым девочка почти не расставалась, больно кольнула её в самое сердце, и она горько заплакала. И как ни пыталась мама ободрить её, пообещав подарить новый альбом и помочь в поиске нужных растений, Лета была безутешна: её бесценное сокровище лежало где-то там, в мрачном лесу, в полном одиночестве. Ей живо представилось, как прекрасные листья, стебли и цветы размокают от сырости и превращаются в кашу. Никогда больше не сможет она любоваться ими! А сколько труда потрачено впустую! Так много времени провела Лета в поисках растений, с такой осторожностью клеивала свои находки в альбом, и вот теперь всё оказалось напрасно. Любимый гербарий пропал и уже не вернётся к ней, ведь снова пойти в лес, чтобы отыскать своё сокровище, Лета не отважится. Да и место, где она встретилась со странным существом и где выронила альбом, девочка, конечно, не запомнила.

Два дня она провела, печалась о своей потере, и ничто не радовало её, даже чудесные пирожные, которыми её угостила тётушка Селеста. Маленькие круглые сладости, что тётушка выдумала накануне, были удивительно похожи на пти-

чьи гнёздышки: на искусно переплетённых сахарных веточках лежало по три крошечных яичка, под яркой пятнистой скорлупкой которых таилась мягкая, пахнувшая ванилью начинка. Пирожные были необычайно вкусны, и прежде Лета пришла бы в восторг от такого лакомства, но теперь она лишь вежливо улыбалась. Мыслями же она возвращалась к любимому альбому, который одиноко лежал где-то далеко, в густой тени леса.

И вот на исходе дня, когда Лета готовилась ко сну, она мельком взглянула в окно, из которого днём был виден луг, а за ним – тонкая полоска леса. Теперь всё это скрыла темнота, но на одно мгновение Лете почудилось, будто вдалеке снова мелькнул тот самый изумрудный огонёк, что она видела, когда забрела в лес.

Она потёрла глаза и прильнула к окну, однако огонёк уже исчез. Был ли он на самом деле или привиделся ей оттого, что Лету клонило в сон, однако, увидев зелёную искорку, девочка вдруг решила: во что бы то ни стало, как бы боязно ей ни было, на завтра она непременно снова отправится в лес и отыщет свой альбом.

Решение это придало ей уверенности, и Лета подивилась тому, что уже не чувствует прежней грусти. Она уютно устроилась под лёгким покрывалом, повернулась на бок и тотчас уснула с улыбкой на губах.

Ночь пронеслась как одно мгновение, и, когда утром Лета пробудилась от солнечных лучей, что с любопытством за-

глядывали в окошко, ей показалось, что уснула она совсем недавно. За завтраком она была весела почти так же, как всегда, чем очень порадовала маму, которая предложила свою помощь в поисках гербария. Как же Лете хотелось, чтобы мама пошла с ней! Но ведь тогда пришлось бы рассказать, что альбом потерялся вовсе не на лугу. И она с сожалением в душе отказалась. Она уверила маму, что справится сама, вышла из дома и решительно зашагала в сторону леса.

Однако, оказавшись у самой его кромки, Лета вдруг засомневалась, верно ли поступает. К ней опять вернулся страх, что она может не найти обратной дороги. Вдобавок лес так велик – едва ли ей будет по силам отыскать нужное место. Раздумывая так, Лета прохаживалась вдоль деревьев, стараясь набраться духу, чтобы вступить в лес. И вот когда она уже было сочла за лучшее не испытывать судьбу и вернуться домой, Лета вспомнила об узкой тропинке, что вывела её на луг.

Что ж, решила она, если сейчас удастся отыскать эту тропинку, она всё же наберётся храбрости и пойдёт в лес; если же нет – значит, лучше забыть о потерянном альбоме. В конце концов, брести наугад было бы очень глупо.

И Лета принялась высматривать свою тропинку среди травы и кустов. Долго искать ей не пришлось. Тонкая путеводная ниточка и не думала прятаться, и Лета, глубоко вздохнув, ступила на неё. Медленно и осторожно шагала она, непрестанно осматриваясь и прислушиваясь к лесным зву-

кам.

Однако всё вокруг было спокойно, и спустя некоторое время Лета набралась смелости и пошла быстрее. К своему удивлению, довольно скоро она увидела перед собой то самое упавшее дерево. Девочка остановилась и огляделась. Она побродила вокруг, стараясь не потерять из виду тропинку и одновременно высматривая в траве альбом. Но как она ни старалась, нигде ничего похожего на свой гербарий не находила. Опечаленная, Лета присела на ствол упавшего дерева и готова была уже расплакаться от огорчения, как вдруг в ветвях над её головой раздался тихий шорох. А в следующий миг прямо к её ногам упал – Лета не поверила своим глазам! – её любимый альбом, то самое сокровище, с которым она уже было попрощалась навсегда.

Вскрикнув от радости, она вскочила на ноги, схватила альбом и крепко прижала к себе. Потом она посмотрела наверх, удивлённая, как её драгоценность могла оказаться на дереве, но в ветвях никого не было.

Глава 3

Яркое летнее солнце, что многие дни напролёт без счёта дарило земле ласковые лучи, как видно, сочло, что довольно баловало городок погожими деньками и что неплохо бы отдохнуть от нелёгких трудов. Пушистые белые облачка сменились тяжёлыми серыми тучами, и те принялись поливать землю дождём, который без устали омывал улицы, барабанил по черепичным крышам и стучал в окна.

Лете ничего не оставалось, как сидеть дома – в такую непогоду совсем не хочется даже на минутку выходить за дверь, а уж о долгих прогулках и говорить не приходится. Однако это ничуть её не огорчало, ведь и дома найдётся немало интересных занятий, сто́ит лишь захотеть. К тому же к девочке вернулось её главное сокровище, отчего она была совершенно счастлива. Даже то, что обложка альбома запачкалась в лесу, а один уголок загнулся и растрепался, нисколько не убавило её радости. Лета обернула гербарий красивой бумагой, и он стал почти как новый. Главное, что растения внутри не пострадали, и теперь Лета, как и прежде, могла рассматривать их в своё удовольствие. Этим она и была занята в один из дождливых вечеров, сидя рядом с мамой, которая плела из соломки очередную шляпку. В какой-то миг Лете вдруг пришла в голову мысль, которая поначалу была едва заметной, но затем принялась расти и наконец так выросла, что полностью завладела вниманием девочки.

За эти дни та отчего-то и думать забыла о том, что побывала в лесу и видела там неведомое существо. Теперь же она вспомнила, и ею овладело любопытство: кто же этот незнакомец? Отчего он такой странный? Что делает в лесу? И знает ли о нём ещё кто-нибудь?

Вопросы сыпались на Лету, как снег зимой, и ей отчаянно хотелось получить на них ответы. Вдобавок ей подумалось, что стоило бы поблагодарить необыкновенного лесного жителя. Пусть в первую встречу он немало напугал её и велел

уходить, но ведь благодаря ему она вновь обрела своё сокровище – в том, что это именно так, Лета не сомневалась ни единой минуты. Если бы загадочный незнакомец желал ей зла, то уж точно не стал бы утруждать себя тем, чтобы возвращать ей альбом.

Так рассуждала Лета и всё больше уверялась в том, что нужно непременно снова отправиться в лес. В большом нетерпении она ждала, когда закончится дождь. И вот наконец, когда солнце, разогнав тучи, вновь воцарилось на небосводе, и земля достаточно просохла, Лета решила, что время пришло.

Она завернула в бумагу большой кусок пирога, что мама испекла к ужину, перевязала его бечёвкой и отправилась в лес. Знакомую уже тропинку Лета отыскала безо всякого труда, а вскоре добралась и до того самого дерева.

Оказавшись на месте, она призадумалась: что же теперь делать? Как позвать лесного жителя? Она ведь не знала его имени. А может, и имени-то у него нет? Но и просто так оставить угощение и уйти тоже не годилось. Что ж, рассудила она, для начала можно поздороваться – это никогда не помешает, – а там что-нибудь придумается.

– Добрый день, – собравшись с духом, негромко произнесла она куда-то вверх.

Вышло не очень хорошо, и Лета подумала, что услышать её приветствие могла разве что какая-нибудь белка на ближайшем дереве. Нет, так совсем не годится, решила Лета, и

следующие её слова прозвучали громче:

– Простите, я не знаю вашего имени! Я... я пришла сказать спасибо за то, что вы сберегли мой альбом и...

Тут Лета запнулась, потому что услышала шорох в кустах, а затем голос:

– К кому ты обращаешься, неразумное дитя? Наверху никого нет. Или ты вознамерилась побеседовать с птицами?

Лета обернулась и увидела то самое существо, которое искала! Теперь она смогла лучше его рассмотреть. Больше всего незнакомец и вправду походил на низенького старичка. Впрочем, в возрасте она могла и ошибиться: густая зеленовато-бурая борода скрывала большую часть его лица, а потому понять, насколько незнакомец и вправду стар, было не так-то просто. Голову его украшала копна волос того же цвета, а один глаз скрывала повязка из грубого сукна. Незнакомец был облачён в простую невзрачную одежду – в такой, подумалось Лете, в самый раз прятаться в лесу, до того хорошо она сливалось с деревьями и кустами.

Пока девочка изумлённо разглядывала необычное создание, не в силах решить, человек это или нет, незнакомец нахмурился и произнёс:

– Не очень-то вежливо столь беззастенчиво тарашиться на людей, дитя.

Тут Лета опомнилась и смущённо опустила глаза.

– Так вы... вы всё-таки человек? – запинаясь, спросила она.

– И задавать подобные вопросы тоже невежливо, – заметил незнакомец.

– Простите, – пролепетала Лета. – Я вовсе не хотела вас обидеть. Просто вы не очень похожи на...

– Мало ли кто на кого не похож, – перебил её незнакомец. – Это не повод делать поспешные выводы.

С этими словами он отступил в сторону и с достоинством уселся на большой, покрытый мхом камень.

«Прямо как король», – подумала Лета. Она никогда не видела коронованных особ, однако была всецело уверена, что именно так они должны садиться на свои великолепные троны.

– А ещё хуже, – тем временем продолжал незнакомец, – являться в чужой дом без приглашения. Что скажешь ты в своё оправдание, дитя?

– Я всего-то хотела поблагодарить вас, – всё больше смущаясь, ответила Лета, – за то, что вернули мой гербарий. Ведь это были вы?

– Ну разумеется, я, – сказал незнакомец. – Не думаешь же ты, будто зверям и птицам есть дело до твоих безделиц?

– Это вовсе не безделица, – возразила Лета.

Лесной житель хмыкнул.

– Что ж, как скажешь. В конце концов, не так уж это и важно, – заявил он, и тут взгляд его обратился к свёртку, что Лета держала в руках. – А это что такое?

Об угощении, что она принесла, девочка совсем позабы-

ла.

– Ой, это ведь для вас! – спохватилась она и протянула свёрток незнакомцу. – Это всего-навсего пирог, зато очень вкусный.

Незнакомец подался вперёд, с подозрением осмотрел свёрток, принялся, но брать его в руки не спешил.

– И ты прими мою благодарность, дитя, – промолвил он, поднимаясь на ноги. – Воспитание твоё оставляет желать лучшего, однако ты небезнадёжна. Мне же, в свой черёд, не пристало оставлять гостя на пороге, будь он даже незваный. К тому же, если поразмыслить, вреда от тебя не будет. Следуй за мной.

И незнакомец двинулся в глубь леса. Шёл он легко и непринуждённо, будто по широкой ровной дороге, а не по узкой лесной тропинке.

«Как чудно», – подумала Лета. Ей самой приходилось внимательно глядеть под ноги, потому что она уже дважды успела споткнуться.

Всего несколько минут прошло с тех пор, как они отправились в путь, однако Лете показалось, будто идут они уже долго, и потому она решила полюбопытствовать, сколько ещё времени потребуется им на дорогу.

– Господин... карлик, – обратилась она к своему спутнику, – долго ли нам ещё?..

Договорить она не успела, потому что незнакомец вдруг остановился, медленно обернулся и воззрился на неё един-

ственным глазом.

– Как ты назвала меня? – низким басом прогудел он. Слова эти прозвучали так, что Лета почудилось, будто низенький лесной житель вмиг превратился в разгневанного великана, а сама она сделалась совсем крошечной, не больше букашки в траве.

Горящий зелёным огнём глаз гневно жёг её взглядом, отчего Лета вся сжалась, а из головы вылетели все мысли, осталось одно желание провалиться сквозь землю.

– Я... – наконец тихонько пролепетала она. – Простите, я не хотела вас обидеть.

– Это я уже слышал, – заметил незнакомец недовольным тоном. – Следи за тем, что говоришь, и не придётся столь часто просить прощения.

– Я просто не знала, как к вам обратиться, – попыталась оправдаться Лета. – Мне ведь неизвестно, как вас зовут.

– И ничего лучше не придумала, как назвать меня карликом, – пробурчал незнакомец. – Как только подобное на ум пришло?

Он покачал головой и продолжил свой путь. Лета поспешила следом.

– Но ведь вы такой... – Она замялась, подбирая слово, чтобы снова не задеть своего спутника. – Такой... невысокий.

– Уж никак не ниже тебя, дитя, – отозвался тот. – Думается мне, к собственной особе ты так не обратилась бы.

Лете представлялось, что лесной житель всё же немного ниже её самой, однако она сочла за лучшее не затевать спор. Вместо этого она сказала:

– Может быть, вы назовёте своё имя? Тогда мне не придётся гадать, как к вам обращаться.

– В именах мало проку, – было ей ответом. – Впрочем, коль скоро тебе любопытно, изволь. Имя мне – Гилас.

– Гилас... – повторила Лета не без удивления. – Разве бывает такое имя? Никогда не слышала.

– Неразумное дитя, – сказал её новый знакомый, – если ты чего-то не знаешь, это вовсе не означает, что такого не существует в природе. Это говорит лишь о твоём невежестве, только и всего.

Тут он остановился, обернулся к Лете и добавил:

– А между тем мы уже пришли. Прошу.

Он вытянул руку в сторону, очевидно, указывая на что-то, однако Лета не увидела там ничего, кроме деревьев и кустов. В недоумении взглянула она на Гиласа, и тот, словно прочитав её мысли, сказал:

– Хорошенько приглядишься, дитя, и тебе всё откроется.

Девочка снова перевела взгляд туда, куда указывал Гилас, присмотрелась и тут только различила очертания маленькой хижины, которая так искусно была скрыта среди ветвей, что, будь Лета одна, ни за что на свете не заметить бы ей этого удивительного жилища. Она поделилась этой мыслью со своим новым знакомым, и тот, хмыкнув, заметил:

– Неудивительно. Вы, люди, вообще ничего дальше своего носа не видите.

Жилище его скорее напоминало диковинный куст, в котором кому-то вздумалось проделать два неприметных круглых окошка и низенькую дверку. Хижина казалась такой маленькой, что Лета засомневалась, сможет ли зайти внутрь. Однако, к своему удивлению, она безо всякого труда перешла порог (хоть и пришлось наклониться, чтобы не стукнуться головой) и увидела, что внутри лесной домик куда просторней, чем должен бы быть. Лета подивилась этому про себя, но ничего не сказала, чтобы опять не услышать о том, насколько она невежественна.

– Прошу садиться, – между тем сказал Гилас, указав на один из пары стульев, которые, как видно, были сплетены из веток и потому мало походили на те, что Лета привыкла видеть в родном городе.

Однако, несмотря на все свои странность и неприглядность, стул оказался довольно удобным. Устроившись, Лета принялась вертеть головой по сторонам, с любопытством разглядывая убранство хижины. Она не увидела почти ничего из того, к чему привыкла, и что было в любом другом доме, где ей доводилось бывать: не было тут ни красивых занавесок на окнах, ни вышитых подушек, ни затейливых украшений – словом, ничего такого, что обычно придаёт уют людскому жилищу. В лесной хижине всё было устроено просто и без затей. Кроме двух стульев, небольшого стола да

нескольких узких полок, на которых выстроились ряды нека-
зистых глиняных горшочков, никакой мебели Лета не уви-
дела. Зато всюду царили чистота и порядок, если не считать
большого закопчённого котла, что висел над очагом в углу и
явно давно не видел ни мыла, ни щётки. Однако это исклю-
чение ничуть не мешало лесному дому выглядеть милым и
уютным.

Лета, верно, чересчур увлеклась, разглядывая жилище
Гиласа, потому что тот с некоторым раздражением оторвал
её от этого занятия.

– Не так уж велик мой дом, чтобы тратить полдня на его
осмотр, – сказал он.

– У вас очень мило, – с улыбкой поспешила сообщить Ле-
та.

– Благодарю, – церемонно кивнув, промолвил Гилас.

– А у нас дом из камня, – продолжала девочка. – Он на
самой окраине, зато из окна виден луг, и чудо-роща, и Ла-
зурная Змейка, и...

– Что-что? – вдруг перебил её Гилас. – Не слышалось
ли мне? Что лазурное?

– Лазурная Змейка, – повторила Лета. Что такого она ска-
зала? Отчего её новый знакомый изменился в лице? – Так
мы называем речку, что течёт за городом. Она узкая и вьётся
по лугу прямо как...

– Довольно, я понял, – снова вмешался Гилас. В голосе
его слышалось недовольство. – Не самое удачное название,

я бы сказал.

– Почему? – недоумённо спросила Лета. – Чем плохи змеи?

– Коварные, злокозненные существа, – пробурчал Гилас. – Ни капли добра от таких не дождёшься... Впрочем, не будем об этом. – С этими словами он уселся напротив и добавил: – Вот теперь, полагаю, настало время даров. Как ты назвала то, что принесла с собой?

– Ох, я ведь чуть не забыла про пирог, – немного смутившись, сказала Лета и, поспешно развязав бечёвку, положила свёрток на стол. – Не найдётся ли у вас тарелка?

– Найдётся. – Гилас кивнул, и в следующее мгновение перед Летой появился небольшой гладкий деревянный круг. На привычные ей тарелки он был не очень-то похож, но всё же вполне годился, чтобы положить на него кусок пирога.

Увидев угощение, Гилас совершенно переменялся в лице. Он перестал недовольно хмуриться, исчезли подозрительность и надменность. Вместо них появилось спокойное любопытство, а в голосе его, когда он произнёс слова благодарности, Лета услышала мягкость.

С величайшей осторожностью, будто угощение было чем-то очень хрупким, Гилас отломил маленький кусочек пирога, положил его в рот, пожевал и глубоко вздохнул. Никогда ещё Лета не видела, чтобы кто-то ел с таким наслаждением. Она знала, что пирог исключительно вкусен, и сама очень любила мамину выпечку, но ведь это был всего лишь пирог –

самое обычное дело. А Гилас ел так, будто это лучшая вещь на свете. Лета подивилась этому, и в душе её шевельнулась жалость: неужели Гилас ни разу в жизни не пробовал пирога? Судя по всему, так оно и было, и девочка решила, что это очень несправедливо.

«Нужно непременно принести ещё чего-нибудь вкусно-го», – подумала она и от этой мысли улыбнулась.

Гилас тем временем, съев ещё один кусочек, обратился к Лете.

– Что же ты сама не ешь, дитя? – спросил он. – Не годится мне одному вкушать такие яства.

– Нет-нет, это всё вам, – сказала Лета, улыбнувшись так тепло, как только могла. – Я этот пирог уже ела. К тому же я совсем не голодна.

– Не очень-то разумно отказываться от подобного лакомства, – заметил Гилас. – Однако дело твоё... Но кто же сотворил столь изумительное кушанье? Полагаю, твоя матушка?

Лета кивнула.

– Так я и думал, – сказал Гилас. – Цени это, дитя. Это великое счастье!

– Я знаю, – согласилась Лета. – Тётушка Селеста всегда говорит, что у мамы золотые руки.

– Как ты сказала? – не понял Гилас и, когда Лета повторила, задумался, а затем спросил: – Что за польза от рук из золота? Как же движутся её пальцы?

– О нет, это только так говорят, – объяснила Лета. – Кажется, это называется «образное выражение». На самом деле руки у мамы самые обычные.

– Весьма странно, весьма... – произнёс Гилас. – Впрочем, удивляться не приходится.

Пока он доедал пирог, Лета снова осмотрелась и спросила:

– И вы живёте тут совсем один?

Гилас кивнул.

– Как интересно, – сказала Лета. – Мне ещё никогда не доводилось видеть отшельцев.

– Кого? – удивился Гилас.

– Отшельцев, – повторила Лета. – Я читала о них в книжках. Это такие особые люди. Они забираются в какие-нибудь глухие необитаемые края, когда соседи начинают чересчур им докучать.

– Ты, верно, говоришь об отшельниках, – с усмешкой сказал Гилас. – Что ж, вероятно, меня можно так назвать, хотя докучливых соседей у меня никогда не было.

– А почему вы живёте в лесу? – спросила тогда Лета.

– А почему ты живёшь там, где живёшь? – ответил Гилас вопросом на вопрос.

– Ну... – Лета замялась. – Там мой дом.

– Именно так. – Гилас кивнул.

– Разве дом может быть в лесу? – удивилась Лета.

– Дом может быть где угодно, – сказал Гилас. – Он там, где живёт твоё сердце.

– Где живёт сердце... – задумчиво повторила Лета. – Да, неверное, так... Но ведь в городе красивее и удобнее, чем в лесу.

– Это как посмотреть, – возразил Гилас. – В городах чересчур много камня. Он угнетает, лишает сил, и потому мне там не место. Лишь в лесу могу я быть самим собой в полной мере.

Лета про себя удивилась, ведь сама она ничего подобного не чувствовала.

– И вам никогда не хотелось пожить вместе с людьми? – спросила она.

– Для чего мне это? – был ответ.

Лета не сразу нашлась, что сказать.

– Ну, чтобы не чувствовать себя одиноким, – наконец сказала она. – Вам, должно быть, скучно здесь.

– Отнюдь. – Гилас пожал плечами. – У меня довольно занятий, а потому скучать не приходится.

– Что же вы делаете? – любопытствовала Лета.

– Множество разных вещей, – ответил Гилас. – Однако это не твоя забота, дитя. Могу сказать одно: я делаю то, что должен, ибо так повелела та, кому я обязан жизнью.

Не успела Лета спросить, о ком он говорит, как её новый знакомый вдруг нахмурился и поспешно добавил:

– Однако, пожалуй, я поведал тебе много лишнего, дитя. Не уверен, могу ли всецело доверять тебе. Посему довольно разговоров!

Лета хотела было уверить Гиласа, что доверять ей можно, однако по выражению его лица поняла: настаивать не сто́ит.

– К тому же, – продолжал тот, – тебе пора домой. Скоро стемнеет, а у меня ещё много забот. Пойдём, я провожу тебя.

С этими словами он встал и направился к двери. Лета последовала за ним.

Они отошли от хижины всего на несколько шагов, когда девочка обернулась и с удивлением обнаружила, что лесной домик исчез. Куст остался на прежнем месте, но дверь и круглые окошки пропали, будто их и не было вовсе. Она зажмурилась и снова открыла глаза, но так ничего и не увидела.

«Верно, у людей и вправду плохое зрение», – подумала она и продолжила свой путь за Гиласом.

Вскоре дошли они до знакомого Лете упавшего дерева, и Гилас остановился.

– Что ж, – подытожил он, – полагаю, дальше ты сама отыщешь дорогу.

Лета с готовностью кивнула.

– А можно мне снова навестить вас? – спросила она.

Поразмыслив, Гилас ответил:

– Пожалуй, вреда от тебя не будет. Возвращайся когда пожелаешь, только с одним условием.

– С каким же? – спросила Лета.

– Ты никому не расскажешь о том, что видела. Никто не должен знать обо мне. Дай же клятву и не смей нарушать её

во веки веков!

– Даже маме нельзя? – спросила Лета.

– Я ведь сказал: никому. Ни единой душе. Обещаешь молчать, что бы ни случилось?

– Обещаю, – серьёзно ответила Лета. – Даю вам слово.

– В таком случае, можешь прийти вновь, – сказал Гилас. – А теперь прощай!

Тут он отвесил девочке лёгкий поклон, и не успела та глазом моргнуть, как лесной житель исчез. Вместо него Лета опять увидела мерцающий зелёный огонёк, но и тот быстро скрылся из вида.

«Помни, ни единой душе!» – прогудел в её голове низкий голос, и Лета осталась одна. Она вновь ступила на знакомую тропинку и отправилась домой.

Глава 4

Хранить в тайне знакомство с удивительным жителем леса оказалось не так просто, как думала Лета, когда давала обещание.

«Неужели никто в городе не знает о нём?» – размышляла она. Не проходило ни дня, когда не хотелось бы ей нарушить клятву и рассказать маме и всем вокруг о том, что она видела в лесу – то-то бы они удивились! А потому, снова зайдя в гости к тётушке Селесте, она едва смогла удержаться, чтобы не выпалить всё, когда та спросила, как она поживает и нашла ли ещё что-нибудь необычное.

– Пока ничего, – с сожалением ответила Лета, хотя ти-

хий внутренний голосок так и твердил: «Расскажи, расскажи! Ничего дурного от этого не будет». «Замолчи сейчас же!» – велела ему Лета, и тот послушно умолк, но она знала, что голосок ждёт удобного момента, чтобы снова начать её уговаривать.

– Странная ты нынче, голубка, – заметила тётушка Селеста. – Давай-ка выпьем чаю. Такого ты наверняка не пробовала. Не далее как вчера его доставили мне из одной далёкой восточной страны.

Пока тётушка Селеста разливала чай, Лета принялась, и нос ей защекотал дивный аромат незнакомых трав и специй. Чудесный напиток в один миг успокоил коварный внутренний голосок, заставив его исчезнуть без следа, и Лету перестало грызть желание нарушить данное Гиласу слово. Она пила чай с чудесным имбирным печеньем и чувствовала, как беспокойство покидает её.

– Ну, что ты думаешь? – спросила тётушка Селеста. – Хорош ли чай? Понравится горожанам?

Лета с чувством заверила её, что новый напиток изумительно вкусен и что никогда прежде не доводилось ей пробовать ничего подобного.

– Что ж, я очень рада, – довольно сказала тётушка Селеста. – Тогда я дам тебе немного с собой. Отнесёшь маме, пусть и она попробует.

Сказав так, она вышла и вскоре вернулась с небольшой коробочкой чая и бумажным свёртком, из которого доносился

запах имбирного печенья. Лета от души поблагодарила тётушку Селесту и отправилась домой, отметив про себя, что неплохо бы отложить немного угощения для Гиласа. «Наверняка ему тоже понравится», – подумала Лета, и на душе у неё стало ещё светлее.

А назавтра она снова отправилась в лес. С собой она несла мешочек с горсткой пряного чая и коробочку имбирного печенья. С лёгкостью отыскала она упавшее дерево и чуть только собралась позвать Гиласа, как тот возник откуда-то сбоку, будто соткался прямо из воздуха, и степенно кивнул девочке.

– Приветствую тебя, дитя, – произнёс он.

– Добрый день, – ответила Лета. – Как это у вас получается?

– Что именно? – спросил Гилас.

– Вот так вдруг появляться, словно из ниоткуда, – сказала Лета. – Должно быть, вы долго этому учились.

– Ни единого дня, – ответил Гилас. Он двинулся в сторону своей хижины и поманил Лету за собой. – Это всё равно что уметь дышать. Ты ведь никогда этому не училась, верно? Ибо такова твоя природа.

– А как вы обращаетесь зелёной искоркой? – спросила тогда Лета, шагая следом.

– Тот же ответ, – отозвался Гилас.

– А вы могли бы перенести с собой кого-нибудь? – не унималась девочка. Она живо представила себе, как было бы за-

мечательно вот так, легко и быстро, путешествовать по всему свету.

Гилас остановился и, взглянув на неё, с усмешкой ответил:

– Если ты говоришь о себе или иных живых существах, подобных людям, то нет. Сто́ит тебе коснуться меня, и я не смогу изменить облик. – Он двинулся дальше и на ходу добавил: – Но я могу брать с собой предметы, ибо им не дано передвигаться самим.

– Очень жаль, – разочарованно произнесла Лета. – Я бы не отказалась уметь так же.

– Сожаления – бесполезная трата времени, – назидательно изрёк Гилас. – В особенности в тех случаях, когда ты не в силах изменить положение дел. Всякому созданию даровано своё. Вообрази только, сколь многим уже обладаешь, и поймёшь, что этого довольно.

И он пустился в рассуждения на эту тему. Ловко скользя между деревьями, он всё говорил и говорил и так увлёкся своей речью, что Лете стало казаться, будто спутник её обращается к самому себе, а о ней совсем позабыл.

– Да слушаешь ли ты меня, дитя? – внезапно спросил Гилас.

Он остановился до того неожиданно, что Лета чуть было не столкнулась с ним.

– Как видно, не особенно, – тем временем ответил Гилас сам себе. – А между тем внимательность ещё никому не вре-

дила.

Лета хотела было ответить, но тут увидела знакомые уже круглые окошки и низенькую дверку.

– А как вам удаётся прятать свой дом? – обратилась она к Гиласу. – В прошлый раз, стоило мне немного отойти, как он исчез.

– Как я уже сказал, – ответил тот, – вы, люди, чрезвычайно невнимательны. Всё дело в умении смотреть.

– Но ведь я смотрела, – возразила Лета. – И всё равно он пропал, будто его и не было.

– Если чего-то не видишь со своего места, иногда полезно взглянуть с другого, – важно изрёк Гилас. – Входи же, не стой на пороге!

Оказавшись в лесной хижине, Лета осмотрелась и спросила:

– А чайник у вас есть?

– Зачем? – удивился Гилас. – Этот предмет мне совершенно ни к чему.

– Но как же вы завариваете чай? – в свою очередь удивилась Лета.

– Очевидно, что никак, дитя, – был ответ.

Лета была поражена. Никогда ещё не встречался ей человек, который не пил бы чая.

– И вы никогда его не пробовали? – спросила она.

– Не вижу в этом никакой пользы, – ответил Гилас.

– Что же вы пьёте? – любопытствовала Лета.

– Воду, конечно, – ответил Гилас. – Это всё, что нужно, дабы утолить жажду. К тому же нет ничего вкуснее чистой ключевой воды.

– Откуда же вам знать, если вы ничего, кроме неё, не пробовали? – спросила Лета. Ей стало досадно, что Гилас отказывается от чая, даже не попробовав. – Мама говорит, что чай очень полезен. А ещё он согревает в холода.

– Тебе, быть может, и полезен. – Гилас равнодушно пожал плечами. – А мне эти сухие листья ни к чему. И потом, я никогда не мёрзну.

– Но ведь вы живёте в доме с очагом, – заметила Лета. – Очаг нужен, чтобы готовить горячую еду и греться, значит...

– Это не значит ровным счётом ничего, – раздражённо перебил её Гилас. – Ты, дитя, чересчур назойлива и своими вопросами начинаешь докучать мне.

Лета смутилась. Наверное, и вправду не следует настаивать, когда отказываются, подумалось ей.

– Что ж, – примирительно сказала она, – раз вы так против чая, я не настаиваю. А печенье? Печенье вы любите? Я принесла имбирное. Очень вкусное!

Гилас с подозрением взглянул на угощение. Судя по тому, как он наморщил нос, запах ему не понравился, но он всё же взял одно печенье, положил в рот и медленно прожевал.

– Странная пища, – наконец сказал он, – как сухой хлеб. Я не люблю сухой хлеб.

– Ничего-то вы не понимаете в десертах, – обиделась Ле-

та. – Это вовсе не сухой хлеб. Печенье испекла тётушка Селеста, а уж она-то знает толк в таких вещах!

Гилас усмехнулся.

– У каждого случаются неудачи, – сказал он. – Однако коль скоро тебе это нравится, тем лучше. Можешь съесть сама всё, что принесла.

– А знаете что, я так и поступлю! – заявила Лета и отправила в рот хрустящий кружочек.

И тут Гилас расхохотался. Случилось это до того внезапно, что Лета замерла, так и не дожевав печенье. В изумлении смотрела она, как Гилас покатывается со смеху, и никак не могла взять в толк, что его так развеселило.

– Ты похожа на хомяка, – наконец отсмеявшись, проговорил Гилас. – Видела ли ты, как потешно этот зверёк набивает зерном щёки? Он так серьёзен и сосредоточен, а сам раздувается, будто бы...

– Я вовсе не хомяк! – проглотив печенье, поспешила заявить Лета.

– Такого я и не утверждал, дитя, – с улыбкой заметил Гилас. – Слушай внимательней! Разумеется, ты не хомяк. Тому никогда не придёт в голову обижаться по пустякам, подобными глупостями он не занимается. А ты забирай-ка свои сухарики, и пойдём со мной – я покажу тебе поистине вкусную еду.

Совсем немного отошли они от хижины в глубь леса, когда Гилас остановился, опустился на колени, приподнял

большой лист какого-то растения, и Лета увидела внизу веточку, усеянную ярко-оранжевыми ягодами. Гилас бережно сорвал их и двинулся дальше. Прodelав то же самое несколько раз, он протянул Лете целую горсть ягод.

– Попробуй, дитя, – сказал он при этом. – Вот что и впрямь вкусно и полезно!

Ягоды оказались чудесными. Никогда ещё Лета не видела таких: они были необычайно сочными, в меру сладкими и бесподобно ароматными.

– Не хуже твоего сухого хлеба, верно? – с улыбкой спросил Гилас.

– Очень вкусные! – согласилась Лета. – Никогда таких не ела. Как же они называются?

Гилас задумался.

– Не припомню уже, – сказал он. – Знал когда-то, но позабыл. Да и не важно это...

– Пожалуй, – сказала Лета. – Только как же мне их подписать?

– Что сделать? – удивился Гилас.

– Подписать, – повторила Лета. – У этого растения такие красивые листики – так и просятся в коллекцию! А когда появляется новое растение, с ним рядом принято писать название.

– А-а, – протянул Гилас, – ты говоришь об этой твоей диковинной вещице. Как ты её тогда назвала?

– Гербарий, – ответила Лета. – Он нужен для того, что-

бы...

– Я понял, зачем он нужен, – перебил её Гилас. – Вот только не вижу, в чём польза.

Лета удивлённо заморгала. Неужели можно этого не понимать, подумала она, а вслух сказала:

– Ну как же, это очень интересно – собирать коллекции! Кто-то собирает старинные вещи, кто-то – драгоценности, а мне вот нравятся растения. Это очень интересно, – повторила она, – и познавательно.

Гилас фыркнул:

– Нелепица какая-то... Зачем собирать растения, если они и без того всегда вокруг тебя? К тому же в этом твоём... гербарии они становятся вовсе не такими, как были. Они сухие и неживые. Разве это одно и то же?

– Нет, не одно и то же, – согласилась Лета. – Если бы я могла, я бы сохраняла их в прежнем виде, но так уж выходит. Зато я могу рассматривать их, когда захочется, а не искать всякий раз заново. Это удобно, особенно если растение редкое и на каждом шагу его не встретишь.

– Удивительный вы народ, люди, – сказал Гилас. – Впрочем, это, разумеется, твоё дело. Если тебе по душе смотреть на сухие растения, я покажу тебе такие, каких ты, несомненно, ещё не видела. Если желаешь, можем отправиться в лес, дитя.

– Как это «отправиться»? – не поняла Лета. – Разве мы уже не в лесу?

– Лишь отчасти, – ответил Гилас. – Тебе кажется, что ты в лесу. Но много ли ты видела? Ты идёшь по лесу, но едва замечаешь его. Готов поспорить, что пока, кроме тех ягод, ты не увидела для себя ничего нового.

– Это потому, что я не искала, – сказала Лета.

– Почему – не важно. Важно, что не видела.

Сказав так, Гилас указал Лете под ноги. Та посмотрела вниз и увидела кустик с длинными листьями, напоминающими птичьи перья.

– О, я знаю, это папоротник! – воскликнула Лета. – Я видела его в особой книжке. Вживую он даже лучше, чем на картинке!

– Иначе и быть не может, – сказал Гилас и улыбнулся. – Видишь, мы столько времени здесь стоим, это растение у самых твоих ног, а заметила ты его лишь теперь.

– Какой красивый! – восхищённо проговорила Лета, рассматривая папоротник. – Можно я возьму его для гербария?

– Отчего же нет? – Гилас пожал плечами. – Я им не хозяин. Только не выдёргивай. Не стбит губить растения попусту.

– Нет-нет, мне и листочка хватит, – поспешила заверить его Лета и бережно сорвала зелёное пёрышко.

И тут ей вдруг вспомнилось, как недавно, гуляя вдоль речки, она увидела у самой кромки воды лепесток, подобных которому не случалось ей встречать ни прежде, ни потом. Цветом он походил на лиловые лепестки чудо-деревьев, разве что был чуть темнее и затейливо переливался на солнце.

Лепесток был необычайно велик, почти с ладошку девочки, и та дивилась, пытаясь вообразить, какой же величины должен быть цветок, что его потерял. Лепесток, верно, принесло речными водами откуда-то издалека, рассудила Лета – в их краях подобных растений уж точно не водилось. Радуюсь новой находке, она протянула к ней руку. Но каково же было её удивление, когда лепесток рассыпался в тончайшую пыль, едва пальцы девочки коснулись его. Увы, он оказался хрупким, словно крылья бабочки.

Может ли быть, думала теперь Лета, что неведомый цветок с большими лиловыми лепестками растёт здесь, в лесу? И если так, знает ли о нём Гилас?

Она поспешила поделиться с ним этими мыслями, однако он в ответ отчего-то нахмурился.

– Ничего подобного здесь не растёт, – помолчав, ответил он наконец.

– Может, вы просто не знаете о нём? – с надеждой спросила Лета, уж очень хотелось ей увидеть диковинку.

– Мне ведомо всё, что происходит в этом лесу, – надменно заявил Гилас. – Раз я говорю, что такого цветка не существует, значит так оно и есть. И не докучай мне отныне всяким вздором, дитя. Будет лучше, если мы не станем тратить время на пустые разговоры.

И он повёл Лету дальше, то и дело останавливаясь, чтобы она смогла рассмотреть обитателей леса. Одни растения Лета узнавала по картинкам в книжках, другие же были ей

совершенно незнакомы.

– Как много тут всего! – восхищённо воскликнула она, любуясь очередной находкой.

– Лес бесконечен, – отозвался Гилас. – Однако ты увидишь гораздо больше, если станешь смотреть не только глазами, но и сердцем.

– Как можно смотреть сердцем? – удивилась Лета. – У сердца нет глаз.

– А вот и есть, – сказал Гилас. – Назовём это... Как ты говорила?.. Ах да, образное выражение! Так вот, глаза у сердца есть, только они иные, не такие, как у тебя на лице. И они способны не только видеть то, что снаружи, но и заглядывать в глубь вещей. Вот смотри...

С этими словами Гилас протянул руку к дереву и, как показалось Лете, отломил от него маленькую тонкую веточку. Несколько мгновений веточка лежала на его ладони неподвижно, а потом вдруг, к удивлению девочки, шевельнулась. Ни разу Лете не доводилось видеть, чтобы сухие ветки двигались сами по себе. Во все глаза смотрела она, как бурый пруттик вдруг отрастил тоненькие ножки и превратился в удивительное насекомое. Затем странное создание обзавелось парой прозрачных розовых крылышек, встрепенулось и поспешило упорхнуть с ладони Гиласа.

– Как чудно... – прошептала поражённая Лета. – Никогда не видела ничего подобного. А как называется это насекомое?

– Не всё ли равно? – отозвался Гилас. – Как я уже сказал, имена мало значат, дитя.

И тут вдруг Лета вспомнила: ведь Гилас до сих пор не знает, как зовут её саму.

– А моё имя вам тоже неинтересно? – спросила она.

– Не очень. – Гилас пожал плечами. – Однако, если это столь важно для тебя, дитя, можешь представиться, я не возражаю.

– Лета, – с улыбкой сказала девочка и сделала реверанс. – А полностью – Розалета. Приятно познакомиться.

– Мы уже знакомы, – заметил Гилас и, хмыкнув, добавил: – Странное имя тебе выбрали.

Лета опешила: ничего странного она в своём имени не находила.

– И вовсе даже не странное, – немного обидевшись, возразила она. – По-моему, очень красивое, как розовые лепестки.

– Возможно, и красивое, вот только тебе не подходит, – сказал Гилас. – На розу ты не похожа, скорее уж... на одуванчик. Только взгляни на свои волосы!

– Вотсе нет, – совсем обидевшись, заявила девочка. – Розалета – куда лучше! Кроме того, роза гораздо красивее одуванчика.

– Это как посмотреть, – сказал Гилас. – На первый взгляд, быть может, но если приглядишься, поймёшь, что одуванчик ничем не уступает этой холёной красавице. К тому же он умеет то, что не может она. Скажи, разве способна роза

так же преображаться и странствовать?

– Странствовать? – удивилась Лета. – Цветы не могут ходить.

– Я и не сказал «ходить», – ответил Гилас. – Вспомни, как лёгкие пушинки одуванчика улетают, когда поднимается ветер. Бывает, они уносятся из родного края, оседают в дальней земле и обретают новый дом. А роза так может?

Лета задумалась.

– То-то же, – заключил Гилас. – Посему, Одуванчик, никогда не спеши с выводами.

Лета рассудила про себя, что в одуванчике и правда нет ничего плохого. Её родное имя и так останется при ней, а зваться Одуванчиком всё же лучше, чем слышать в свой адрес неизменное «дитя».

– Однако мы отвлеклись, – тем временем продолжил Гилас и протянул ей ещё одну веточку. – Смотри внимательно.

Лета ожидала, что и на сей раз тонконогое насекомое пошевелится. Она смотрела и смотрела, но ничего подобного не произошло.

– Не понимаю, – наконец сказала Лета, когда ей наскучило это зрелище. – Что я должна увидеть? Это насекомое не двигается. Или вы смеётесь надо мной, и это обычный прутик?

– Я и не думал смеяться над тобой, Одуванчик, – сказал Гилас. – Это не прутик. Это тоже насекомое, только иное.

– Как же иное? – спросила Лета. – По-моему, в точности такое же.

– Ошибаешься, – ответил Гилас. – Тебе так чудится, ибо ты не всматриваешься. Как нет двух одинаковых людей, так не бывает и двух одинаковых насекомых, или цветков, или листьев. Присмотрись – и увидишь. А если будешь смотреть сердцем, то поймёшь, что все они разные не только снаружи. У каждого живого существа своя душа. Быть может, у зверя или дерева она не такова, как у человека, однако она есть. И нрав у каждого свой. Ты ведь видела, как повели себя эти крохотные создания, что ты приняла за прутики? Разве одинаково?

– Нет, – признала Лета, – совсем по-разному.

Гилас кивнул и вернул «веточку» на дерево.

– Это оттого, что они и есть разные, хоть и весьма схожи. Теперь тебе ясно, Одуванчик? Смотри в глубь вещей и поймёшь: мир куда больше и разнообразнее, чем тебе кажется.

Так бродили они по лесу почти до самого полудня. С немалым удовольствием Лета провела бы в лесу весь день – так увлекательно было ей узнавать новое, так приятно вдыхать лесные запахи и слушать лесные звуки, – однако пришла пора возвращаться. Лета сказала об этом Гиласу и напоследок спросила, есть ли какое-нибудь кушанье, что любит он больше всех прочих. Девочке не давало покоя, что Гиласу пришлось не по вкусу печенье, и ей хотелось в следующий раз принести то, что ему наверняка понравится.

Тот ответил не сразу, будто припоминая нечто давно прошедшее. Взгляд его обратился куда-то вдаль, и наконец он

промолвил:

– Как-то раз довелось мне отведасть чудесное кушанье. Мягким и нежным было оно. Вот только название я позабыл...

И он мечтательно возвёл единственный глаз к небу.

– Как же оно выглядело? – спросила Лета.

– Это было нечто жёлтое... с множеством дырочек, – ответил Гилас и задумчиво добавил: – И зачем кому-то было проделывать их? Загадка...

– Ой, я поняла! – обрадовалась Лета. – Вы, должно быть, говорите о сыре!

– Сы-ы-ыр, – протянул Гилас, будто пробуя слово на вкус. – Да, вероятно... Это слово мне знакомо.

И он опять посмотрел вдаль.

– Хорошо бы сыру, – произнёс он. – Дивная еда, дивная...

– Я добуду вам сыру, господин Гилас! – с жаром заверила его Лета. – Обязательно добуду!

– Благодарю тебя. – Гилас кивнул. – Только не зови меня господином. Не люблю излишних церемоний.

Он опять довёл девочку до упавшего дерева и тотчас же исчез.

«Прощай, Одуванчик», – услышала Лета голос у себя в голове.

– До свидания, Гилас, – тихо произнесла она.

По пути домой она остановилась у рощи чудо-деревьев, и, немного помедлив, увидела, как вспыхнули они золотом

в лучах полуденного солнца. Весело перебежала она мостик через Лазурную Змейку, что легко несла по лугу свои чистые воды, а вместе с ними... одинокий листок с золотой каймой. Был ли то и вправду лист чудо-дерева, или ей только почудилось, Лета не поняла – так быстро унесло его течением.

Глава 5

Шло время, один день сменялся другим, и к городку шаг за шагом приближалась осень. Жизнь Леты совершенно переменялась. Встреча с удивительным лесным жителем подарила ей не только множество новых знаний о лесе, но и друга, с которым Лета с большой радостью проводила время, когда выпадал случай. Всякий раз она приносила Гиласу вкусный гостинец – чаще всего несколько ломтиков сыра, который друг её поглощал с особым аппетитом и явно предпочитал всем прочим видам угощения. Они гуляли по лесу, и каждая такая прогулка открывала Лете нечто новое. Всякий раз девочка поражалась, сколько же всего она ещё не знает.

– Мне кажется, я никогда не узнаю всего, – сказала она как-то раз, рассматривая новое растение.

– В том есть своя прелесть, – отозвался Гилас. – Мир безграничен. Всё знать невысказано, и это благо. Вообрази, сколь скучной стала бы твоя жизнь, не останься в ней ничего неизведанного.

За время знакомства с ним Лета почти заполнила свой альбом растениями, и пустых страниц осталось совсем немного. Гилас временами ворчал, выражая неодобрение

коллекционированием вообще и гербариями в частности. Он никак не мог уразуметь, зачем всё это нужно, и всё-таки исправно рассказывал девочке о тайнах леса, и общение с ней дарило ему ничуть не меньше радости, чем вкусные гостинцы.

И вот однажды, когда они снова гуляли по лесу, Гилас, пристально глядя на Лету единственным глазом, спросил:

– Скажи-ка, Одуванчик, желала бы ты увидеть растения, о которых, я уверен, не поведает ни одна книга на свете?

– Разве такие есть? – с сомнением спросила она. – Мама говорит, в книгах можно найти всё что угодно. Если, конечно, знаешь, где искать.

– Что ж, спорить с твоей матушкой я не возьмусь, – ответил на это Гилас. – И всё же спрошу: слыхала ли ты, к примеру, о цветке, что распускается лишь при свете полной луны?

Лета задумалась. У неё в альбоме, несомненно, такого не было, и она стала припоминать, говорилось ли о чём-то подобном в книжках.

– Хм... Да, я слышала о таком цветке, – наконец ответила она. – Он крупный, вьётся по стволам деревьев, цветёт только по ночам, будто бы страшится солнечных лучей, и оттого его зовут луноцветом. Но видела я его только на картинках – в наших краях он, верно, не растёт.

На это Гилас покачал головой.

– Нет, не то, – сказал он. – Тот, о котором говорю я, совсем иной. Пойдём.

И он повёл Лету дальше. Но долго идти им не пришлось. Вскоре Гилас остановился и поманил Лету к себе. Потом он опустился на колени, раздвинул ладонями два ничем не примечательных листа, и Лета увидела под ними небольшой зелёный бутон, который, как и листья, показался ей самым обыкновенным. Она осмотрела растение, но ничего особенного так и не заметила. Лета вопросительно взглянула на Гиласа, а тот улыбнулся.

– Подожди немного, – тихо произнёс он. – Создание это не назовёшь общительным, большие компании ему не по душе. К тому же время ещё не пришло...

Лета с удивлением взглянула на своего друга. Двух человек едва ли можно считать большой компанией, подумалось ей. Гилас же тем временем продолжал:

– Не знаю, согласится ли он, однако всё же попрошу.

Сказав так, он с величайшей нежностью коснулся закрытого цветка и что-то тихонько пробормотал.

– Не шевелись, Одуванчик, и храни молчание, – так же тихо добавил он. – Растение это замкнутое и чрезвычайно пугливое.

Лета замерла. Некоторое время ровным счётом ничего не происходило, и девочке начало казаться, что увидеть застенчивый цветок ей не суждено. Но вот что-то неуловимо изменилось, и маленький бутон дрогнул. Неторопливо и будто неуверенно раскрылись зелёные чашелистики, а за ними развернулись пять длинных молочно-белых лепестков. И тут

Лета вздрогнула, потому что цветок повернул в её сторону нежную головку, словно бы желая взглянуть на девочку, и лепестки его засияли мягким светом, точь-в-точь как луна на ночном небосводе. Лета смотрела на прекрасное растение, от изумления едва дыша. А потом она ощутила нечто странное: веки её отяжелели, в глазах помутилось, а мысли начали расплываться. Ей почудилось, будто тело её стало до того лёгким, что малейшего дуновения ветерка будет достаточно, чтобы унести её в дальние края. И вот, когда глаза Леты полностью закрылись, она услышала голос.

– Проснись, Одуванчик, – произнёс он, и Лета почувствовала, как кто-то коснулся её руки.

Она тотчас открыла глаза и огляделась. Всё осталось по-прежнему: Лету окружал тот же тихий лес, светился лунным светом скромный цветок, а рядом, в траве, сидел Гилас.

– Я уснула? – в растерянности спросила Лета. – Не понимаю...

– Это всё его проделки, – с улыбкой произнёс Гилас и кивнул в сторону цветка. – Робости на его долю досталось с избытком, и своё уединение оберегает он со всем тщанием.

– Меня усыпил цветок? – удивилась Лета.

– Именно так, – ответил Гилас. – И не вмешайся я, ты проспала бы до самых сумерек, потом вернулась бы домой и с тех пор ни разу не вспомнила бы об увиденном.

Тут он обернулся к растению, снова коснулся его и прошептал несколько слов. В следующее мгновение мягкое си-

ание погасло, и белые лепестки свернулись.

– Как чудно... – тихо произнесла Лета.

– Ну что, Одуванчик, – отозвался Гилас, – станешь ли ты отныне по-прежнему утверждать, будто из книг можно узнать обо всём на свете?

В ответ Лета покачала головой. Ей подумалось, как поразились бы все вокруг, узнай они, что в её альбоме хранится растение, о котором ни в одной книге на свете не сказано ни единого слова. А как удивилась бы мама! Лета живо вообразила, как к дому их съезжаются учёные мужи, чтобы собственными глазами увидеть неведомый цветок, и с каким восхищением хвалят маленькую девочку, которой удалось отыскать то, что было скрыто от всех них. Однако она ни минуты не сомневалась, что этому видению не суждено стать явью, ведь Гилас наверняка ни за что не позволит ей даже прикоснуться к диковинному цветку, а уж тем более сорвать его. Потому она ничуть не удивилась, когда, всё же нерешительно спросив своего лесного друга об этом, услышала ответ:

– О нет, Одуванчик, допустить такого я не могу. Пусть и не понять мне твоего увлечения, до сих пор я не препятствовал тебе, ибо не видел вреда в том, что ты забираешь себе приглянувшийся лист или стебелёк, однако теперь... Цветок этот – великая редкость даже для этих краёв, где братьев его больше, чем где бы то ни было ещё. И слишком он хрупок и нежен, чтобы пережить подобное обращение.

– Понимаю, – со вздохом сказала Лета. – Ах, как бы мне хотелось снова увидеть эти чудесные лунные лепестки...

С минуту Гилас пристально смотрел на неё, а потом спросил:

– Скажи-ка, Одуванчик, верно ли я помню, что книги, о которых ты мне говорила, не таковы, как твой гербарий? Или же в них тоже хранятся настоящие растения?

– Нет, там только картинки, – ответила Лета, удивившись про себя, зачем Гилас спрашивает об этом, – но очень красивые! Цветы и листики почти как живые!

Тут она поняла: Гиласу, верно, хочется взглянуть на эти книги. Она так часто рассказывала о них, но ни разу в голову ей не приходила мысль показать своему другу хотя бы одну.

– Я непременно принесу вам какую-нибудь из них! – пообещала Лета. – Завтра же!

– Благодарю тебя, – с улыбкой ответил на это Гилас. – Однако я не затем спросил тебя о книгах. Стало быть, они так хороши, что дарят не меньше радости, чем твой альбом?

Лета кивнула.

– А значит, тебе вовсе не обязательно рассматривать настоящие растения, – заключил Гилас. – Быть может, стоило бы не засушивать цветы, а создавать их портреты?

– Но я не умею рисовать, – растерянно ответила Лета, – разве что самую малость. Мне нипочём не изобразить их так же точно, как в книгах.

– Это лишь поначалу, – сказал Гилас. – День ото дня ма-

стерство твоё будет расти, это несомненно.

– Наверное, так, – сказала Лета, – и всё-таки собирать растения и рисовать их – не одно и то же.

– Что ж, дело твое. – Гилас пожал плечами. – Много ещё скрыто в этом лесу такого, что не отыщешь в книгах. И я с радостью покажу тебе немало дивных созданий. Однако я не стану водить тебя по лесу всякий раз, когда ты вновь пожелаешь взглянуть на них. Лишь единожды познакомлю я тебя с ними, а уж ты решай, рисовать их или полагаться на свою память.

Долго раздумывать Лете не пришлось и она с готовностью согласилась. А на следующий день, когда она опять пришла в лес, Гилас показал ей ещё одно необыкновенное растение. Лепестки затаившегося в траве цветка оказались ярко-жёлтыми, будто пёрышки иволги. Однако не успела девочка произнести и слова, как они потемнели и сделались янтарными, а потом глазам её предстало такое, что, не зная она об этом заранее, перепугалась бы до смерти. И всё же Лета вздрогнула и вскочила на ноги, когда пышный куст, что рос неподалёку, внезапно полыхнул огнём. В мгновение ока яростное пламя перекинулось на соседнее дерево и ринулось дальше. Не прошло и минуты, как перед ней выросла громадная огненная стена – она грозно ревела, обдавая всё вокруг жаром и дымом. И пусть Лета знала, что это лишь видение, которое внушал ей удивительный лесной цветок, желая прогнать незваную гостью прочь, она едва не бросилась бежать.

И тут бушующее пламя смолкло.

– Хитроумное создание, верно? – услышала Лета голос друга и обернулась.

Лес, как и прежде, был зелен и тих, лишь где-то в вышине тихонько ворковали лесные горлицы. Гилас сидел у дерева поджав ноги и смотрел на Лету.

– Не слишком ли этот цветок напугал тебя? – спросил он и, когда Лета покачала головой, продолжил: – Можешь изобразить его, если желаешь. Однако поторопись, у этого малыша строптивый нрав.

Лета раскрыла альбом, достала из кармана кусочек грифеля и принялась за дело. Она старательно выводила тёмно-серые линии, и на странице один за другим появлялись листики, стебельки и лепестки невиданного лесного существа, которое девочка, недолго думая, назвала горилёской. И пусть рисунок её не мог сравниться с прекрасными картинками в книгах, Лета осталась довольна.

Ещё немало чудес открылось ей в лесу. Однажды Лета увидела крохотные бледно-голубые цветочки, которые сначала приняла за незабудки, но быстро поняла, что ошиблась, когда малютки принялись весело насвистывать, будто самые настоящие птички. Было там и престранное растение с длинными и тёмными, усеянными золотыми крапинками листьями, которое, стоило Лете к нему присмотреться, свернуло их в тонкие трубочки и... пропало, будто его и не было вовсе. Но в тот же миг лесная диковинка возникла в полудюжи-

не шагов от Леты и, когда та приблизилась, повторила свою уловку. И кто знает, сколько ещё Лета преследовала бы зелёного беглеца, если бы Гилас не поведал ей, что маленький хитрец всё это время не сходил со своего места и попросту морочил девочке голову. Увы, как следует рассмотреть это растение Лете не удалось. И оно оказалось не единственным, которое упрямо не желало долго оставаться на виду. Но были и такие, что, пусть и неохотно, но позволяли девочке себя рассматривать. Потому очень скоро пустые страницы в её альбоме закончились, и Лета стала вкладывать в него чистые листы бумаги, отчего гербарий до того распух, что в конце концов с трудом закрывался, и ей пришлось перевязывать его лентой.

Всякий раз Лета благодарила Гиласа, когда тот раскрывал ей новую лесную тайну, и всё больше хотелось ей рассказать о том, сколько прекрасного в её собственном мире. Она никак не могла взять в толк, отчего друг её не покидает леса и не стремится познакомиться с жителями её родного городка.

– Вы ведь сами говорили, что нужно смотреть не только глазами, но и сердцем, – заметила она, когда однажды Гилас заявил, что не видит в людях ничего интересного. – Вот если бы вы захотели побывать там, где живу я, то удивились бы, сколько на свете чудесных людей! В нашем городе нет ни одного плохого человека. И никто никому не причиняет зла.

– Ты знакома со всеми до единого? – с ухмылкой спросил Гилас.

– Нет, – признала Лета. – Но все, кого я знаю, люди очень добрые. И в нашем городе никогда не случается ничего дурного. Значит, все жители такие же, как мои знакомые.

– Ничего это не значит, – сказал Гилас. – Тебе не дано заглянуть в душу каждого и быть уверенной, что он не замышляет ничего дурного. Душа человека – вещь сложная. Сегодня он может казаться тебе безобидным, а завтра совершит подлость. Вот чем плохи люди.

– Глупости какие! – возмутилась Лета. – Если я знаю человека, то знаю!

– Наивное дитя, – сказал Гилас, и во взгляде его промелькнуло нечто странное, однако Лета не поняла, что именно, хоть это ей совсем не понравилось.

– Я вовсе не наивная! – упрямо заявила она. – Это вы ничего не знаете о людях. Вот, к примеру, тётушка Селеста...

– Кто? – не понял Гилас.

– Тётушка Селеста, – повторила Лета. – Между прочим, я уже упоминала о ней. Вам ещё не понравилось её печенье.

– Ах да, припоминаю, – сказал Гилас. – И что же в ней примечательного?

– Она очень добрая и весёлая, – ответила Лета. – А ещё она знает много увлекательных историй.

– Каких же, к примеру? – спросил Гилас безо всякого интереса.

Лета видела, что ему скучно, но её это не остановило.

– Вот, скажем, история о сире Растеряхе Мечтательном, –

начала она и поведала Гиласу о приключениях рассеянного рыцаря.

Весь рассказ друг её выслушал молча, из вежливости ни разу не перебив, но, когда история закончилась, поморщился.

– Не сочти за обиду, Одуванчик, – сказал он, – однако большей бессмыслицы я в жизни не слышал. Ты считаешь, это забавно?

– А разве нет? – опешила Лета.

– Нисколько, – отрезал Гилас. – Более того, это просто унизительно. Подумать только: выслушивать глупые насмешки лишь потому, что позабыл где-то свои вещи! Бедняга рыцарь... Из-за сущей нелепицы его доброе имя теперь пятнают все кому не лень. – Он вздохнул и добавил: – А ты ещё утверждаешь, будто все люди без исключения добры и благородны.

– Но это всего лишь шутка. – Лета недоумённо захлопала глазами. – К тому же сира Растеряхи никогда не существовало.

– Как так? – Гилас опять нахмурился.

– Его выдумала тётушка Селеста, – объяснила Лета. – Он ненастоящий, поэтому никак не мог пострадать от насмешек.

– Тогда от этой истории никакого проку, – заявил Гилас. – К чему выдумывать, когда есть повести правдивые? Куда как интереснее узнавать о том, что происходило на самом деле,

о том, что видишь вокруг.

Лета подумала, что одно другому не мешает, однако спорить не стала.

А Гилас между тем продолжал:

– О многом ещё я могу поведать тебе, и это будет чистая правда. – Он с гордостью взглянул на Лету единственным глазом. – Спрашивай, и я отвечу.

– О чём угодно? – спросила та.

Гилас помедлил с ответом, зачем-то посмотрел наверх и наконец произнёс:

– О том, что *могу* рассказать. Я не раскрываю чужих тайн и не отвечаю на бестактные вопросы.

Лета задумалась. В волнении размышляла она, сочтёт ли Гилас бестактным то, что не давало ей покоя с начала их знакомства. Девочку разбирало любопытство, однако она никак не решалась спросить, опасаясь гнева Гиласа. Что-то подсказывало ей, что о таком спрашивать не принято, и она смиряла свой интерес, но теперь ей стало невмоготу и Лета решила: будь что будет.

– Мне хотелось бы знать, – осторожно начала она, – как случилось, что у вас остался всего один глаз?

Лета ждала, что лесной житель вспыхнет негодованием, объявит её невоспитанным ребёнком, а то и вовсе прогонит прочь, но тот лишь вздохнул. Во взгляде его промелькнуло недовольство, однако бурного гнева за ним не последовало.

– Если мой вопрос бестактный, не отвечайте, – поспешила

добавить Лета.

– Не слишком, что и говорить, – согласился Гилас. – Впрочем, я могу ответить, коль скоро ты так желаешь это знать. Однако предупреждаю: в этой истории нет ничего весёлого, и если ты надумаешь посмеяться надо мной, как над тем бедолагой-рыцарем, то немедля отправишься домой, и больше я тебя сюда не пушу.

Лета согласно закивала и приготовилась слушать затаив дыхание.

– Случилось это много лет назад, – начал Гилас. – Сколько, не спрашивай, ибо я не веду счёт годам. Скажу лишь, что был я тогда совсем ещё юн – по своей мерке, конечно, – но многое успел повидать. Множество поколений сменились к тому времени...

– Сколько же вам лет? – потрясённо спросила Лета.

– Много, – ответил Гилас. – По чести сказать, я и сам не знаю. В памяти моей хранятся давние, очень давние времена... – Он немного помолчал, будто погрузившись в воспоминания, а затем продолжил: – Впредь не перебивай меня, Одуванчик, если желаешь, чтобы я продолжал рассказ.

С этими словами он многозначительно посмотрел на девочку, и та притихла, словно затаившаяся мышка.

– Так вот, – последовали слова рассказчика, – как я сказал, был я тогда совсем ещё юн, а юность часто наивна и доверчива. И жил я далеко отсюда. Где именно, значения не имеет – ты в тех местах наверняка не бывала, да я и позабыл их

название. – Гилас задумался, припоминая. – Впрочем, быть может, и не знал никогда. Помню, что край тот был прекрасен, ничуть не хуже здешних мест.

Долго жил я там, не зная печали. Однако шло время, и в душе моей поселилось неведомое мне дотоле чувство. Ничего вокруг не менялось. Всё, что я любил, оставалось прежним и радовало меня. Меняться начал я сам. По сию пору не могу я понять, что стало тому причиной, но то смутное новое чувство крепло день ото дня и не давало мне покоя. Тогда я не знал ему названия, и лишь спустя много лет понял, что это. Вы, люди, зовёте это одиночеством... И совладать с ним мне было весьма непросто. Столь многое я знал и умел, но не было никого, с кем мог бы я разделить эти знания. Звери, птицы и деревья – славные собеседники, никому не сравниться с ними и в умении слушать. Однако мне хотелось чего-то иного, хотелось поговорить с кем-то, похожим на меня самого.

– С людьми? – не сдержавшись, прошептала Лета.

– Да... – Гилас кивнул. – Хоть это и было строжайше запрещено. Мне нельзя было показываться ни единой человеческой душе. И я, к чести своей, никогда не нарушал запрета. Даже то чувство, пусть и мучительное, не могло вынудить меня послушаться, и я жил, стараясь примириться с ним. И знаешь, Одуванчик, я весьма в этом преуспел. Терзавшее меня чувство не исчезло, однако заметно утихло и давало о себе знать уже не столь часто, как прежде. Всё шло хорошо,

пока там, где я жил, не появился человек.

Никогда прежде не видел я людей так близко и, конечно, не говорил с ними, хоть мне и был знаком их язык. Полагаю, любопытство и желание познакомиться с подобным себе сделали своё дело: на время я утратил осторожность. И пусть намеренно я не показывался тому человеку – он увидел меня сам, – однако, будь я бдительнее, он ни за что не сумел бы меня обнаружить. Как бы то ни было, мы встретились, и незнакомец показался мне добрым и чистосердечным. Он был весьма любезен со мной, хотя, как я теперь понимаю, слишком уж велико было любопытство, с которым он рассматривал меня, будто заморскую диковинку.

Мы познакомились и со временем стали друзьями. Нередко он навещал меня и говорил о своей жизни, о том, как живут другие люди, что ценят они, а что презирают, к чему тянутся, а от чего бегут, словно от огня. Я же, в свой черёд, говорил о себе. Он приносил мне предметы, которых я не видел ни разу в жизни, и так знакомил со своим миром. Я же рассказывал ему о своём то, чего не знал он. Должен признать, беседы наши были весьма увлекательны. Бывало, он сетовал, что другие люди плохо понимают его, и потому он одинок, хоть и окружён себе подобными. Подолгу бродил он по окрестностям и, к своему удивлению, обнаружил, что одиночество его поутихло. Теперь же судьба оказалась к нему столь добра, что послала ему доброго друга. Я предупредил, что ни единой душе не должен он рассказывать обо

мне, и он обещал.

«Кому же, – сказал он, – могу я рассказать, коль все сторонятся меня? Уж и не припомню, когда в последний раз слышал, чтобы кто-то заговорил со мной».

На мой вопрос, обходятся ли с ним дурно, он качал головой и отвечал, что никто не причинял ему вреда, но и своим его не признавали, а по какой причине – ему неизвестно. Так говорил он, а я всё больше проникался к нему сочувствием, ибо казалось мне, что такое одиночество, когда вокруг много людей, куда хуже моего собственного. Он же жалел меня и с большим вниманием слушал всё, что я рассказывал.

Однажды, дабы порадовать меня, принёс он диковинную вещь из своего мира и поведал, что она способна творить прекраснейшую в мире музыку. Я позволил себе усомниться в его словах, ведь что может звучать прекрасней, чем пение птиц и журчание ручьёв! Музыка повсюду, сказал я тогда, ибо всё живое поёт – каждая травинка, и куст, и дерево... И пение их столь чудесно, что едва ли людская музыка способна сравниться с ним. Мой друг подивился таким словам, сказав, что не слышал, как поют деревья, но добавил, что верит мне.

«Пусть музыка людей уступает той, что слышишь ты, – сказал он, – я всё же тебе сыграю».

И тронул он струны, и полилась дивная мелодия. Была она столь прекрасна, что птицы смолкли и прислушались. А когда человек доиграл до конца, я охотно признал, что у него

было право считать эту музыку прекраснейшей на свете, ведь он не слышал другой и не мог сравнить. Да и сравнивать было незачем. Людская музыка красива, только своей, особой красотой, и я был благодарен человеку за то, что он познакомил меня с ней. А он лишь улыбался и говорил, что жалеет об одном: что не успеет увидеть и услышать столь многого, что есть на свете, ибо недолгий срок на земле отмерен человеку. Он был поражён, узнав, как много лет и зим хожу по земле я.

«Как же удаётся тебе такое? – спрашивал человек. – Что за чудесное снадобье дарит столь долгую жизнь?»

«Нет такого», – отвечал я, ибо это чистая правда.

Я создан таким и не пил и не ел ничего, что продлевало бы мне жизнь. И друг мой, изумлённый, качал головой. Дивился он и тому, что никогда не поражали меня болезни.

«Что же бережёт тебя от недугов? – спрашивал он. – Из каких трав готовится экстракт, что дарит столь крепкое здоровье?»

Я же отвечал, что многие растения и вправду обладают целебной силой, но не тайные снадобья берегут меня от хворей, ибо я таким создан. Я видел, что в душе его идёт борьба: он сомневался в моих словах, ибо никогда прежде не слышал о подобном. Человеку всегда трудно принять и поверить в то, что он полагает невозможным. Однако наконец он оставил попытки найти причину, по которой здоровье моё было столь крепким, а жизнь столь долгой, и в наших беседах мы

больше не говорили об этом.

Шло время. Друг мой повеселел, и радостно было мне сознавать, что наши беседы – тому причина, хотя бы отчасти. Да и самого меня покинуло то гнетущее чувство, что прежде так мучило. Всё больше времени проводили мы вместе, всё больше узнавали друг от друга.

И вот однажды он пришёл ко мне и в волнении сообщил, что нашёл нечто такое, о чём мне, как он полагает, было бы любопытно узнать.

«Ты непременно должен увидеть это своими глазами!» – воскликнул он.

На мой вопрос, что же он нашёл, человек ответил, что словами этого не описать. И в таком нетерпении он пребывал и так торопился отвести меня к своей находке, что я оставил расспросы и последовал за ним. Признаюсь, меня снедало любопытство, и жажда новых знаний заглушила голос осторожности.

И тут Гилас замолчал. Он смотрел на Лету, но ей казалось, будто видит он не её, а нечто совсем иное. Замерев, она терпеливо ждала, когда Гилас заговорит вновь, однако тот молчал. Лете начало казаться, что он вовсе позабыл о её присутствии, так глубоко погрузился он в воспоминания. Наконец она осмелилась прервать молчание.

– Что же случилось дальше? – едва слышно проговорила она.

Слова её вывели Гиласа из полусна. Взгляд его снова об-

рёл осознанность и посуровел, а черты лица стали жёстче.

– Как ты можешь догадаться, ничего хорошего, – ответил он почти равнодушным тоном. – По глупости своей я угодил в ловушку, которую мой добрый друг умело расставил. – Слово «добрый» Гилас произнёс ехидно, с презрением.

Несколько мгновений он снова помолчал, а потом продолжил:

– Но об этом я не желаю подробно рассказывать. И даже не проси, – добавил он, увидев, что Лета собирается что-то сказать. – Воспоминания эти чересчур тяжелы и вновь воскрешать их незачем. Скажу лишь, что я столкнулся со златоглазым ужасом, что долгие века спал в своём логове... Он и лишил меня зрения – он и людское коварство. Тот человек, желая выведать тайну моего крепкого здоровья и долгой жизни, устроил всё так, чтобы я вынужден был прибегнуть к лечению. Полагаю, он рассчитывал увидеть, как я это сделаю, и так заполучить желанные ему знания. И столь велико было его желание, что он безжалостно толкнул меня навстречу гибели. Я и вправду оказался на пороге смерти и спасся лишь чудом. Я полностью ослеп и чуть было не утонул в реке, пока добирался до дома. Долго плутал я в крошечной тьме, полагаясь на оставшиеся у меня чувства, и в ужасе думал, что никогда больше не увидать мне солнечного света, лесной зелени и небесной лазури... Однако, как ты можешь видеть, Одуванчик, всё обошлось. Раны мои были глубоки, но я исцелился.

– Вы приготовили лекарство? – дрожащим голосом спросила Лета; в глазах её стояли слёзы.

– Нет, Одуванчик, – ответил Гилас. – Как я сказал, никакие снадобья мне не нужны. – Он окинул взглядом деревья вокруг. – Сам лес исцелил меня. Он дарит мне силы и крепкое здоровье. Благодаря ему спустя некоторое время я вновь начал видеть, пусть лишь наполовину, но и это великое счастье. Потому не лей слёзы понапрасну, всё давно позади.

– А тот человек, – вздохнув, произнесла Лета, – он оставил вас в покое?

– О да, – ответил Гилас и усмехнулся. – Совершенно. Видишь ли, он столь старательно расставлял мне ловушку, что угодил в неё сам. Я не видел, что случилось, но слышал, как он вопил от ужаса. Затем крики его смолкли, и никогда больше он не встречался на моём пути.

– Как это ужасно... – тихо промолвила Лета.

– Что именно? – спросил Гилас.

– Всё, – ответила девочка. – С тем человеком, верно, случилась беда. Но как подло он поступил! Должно быть, он был очень несчастен.

– Отчего ты так решила? – удивился Гилас.

– Мама говорит, что только люди, в жизни которых нет счастья, совершают злые поступки, – ответила Лета. – Тем, кто всем доволен, это ни к чему.

Некоторое время Гилас молчал, обдумывая эти слова, а потом сказал:

– Возможно, в твоих словах есть доля истины, Одуванчик. Но, как бы то ни было, это не может служить оправданием. Нельзя причинять другим зло, как бы несчастлив ты ни был. Согласна ли ты с этим?

– Конечно, – с чувством сказала Лета и добавила: – А вот в нашем городе не нашлось бы никого, кто смог бы так поступить, в этом я уверена! И я сама ни за что не сделала бы ничего подобного!

– Ты уже это говорила, – напомнил Гилас. – Я не возьмусь утверждать, будто все без исключения люди одинаковы, но такова уж их природа: люди – существа слабые и способны на подлость, порой даже если сами того не желают.

– Тогда зачем же вы говорите со мной? – спросила Лета, готовая обидеться.

– Ты ещё дитя, – ответил Гилас, – и вряд ли сможешь причинить мне вред. Ты ведь никому обо мне не рассказывала? Он прищурился и испытующе посмотрел на Лету.

– Разумеется, нет, – поспешила заверить его та. – Я ведь обещала!

– Хорошо, – сказал Гилас. – Помни же своё слово и никогда не обманывай меня, иначе берегись.

Он произнёс эти слова так, что Лета не поняла, всерьёз он говорит или шутит. Отчего-то ей стало не по себе, однако она отмахнулась от этого чувства.

– Ложь я не приемлю ни в каком виде, – тем временем продолжал Гилас, – будь это даже одна из тех сказок, что ты

так любишь.

– Сказки – не ложь, – возразила Лета. – Это просто фантазии, которые никому не причиняют вреда. Ведь рассказчик не утверждает, что говорит чистую правду, а значит, никого не обманывает.

– И всё же я останусь при своём мнении, – заключил Гилас. – Ты же вольна думать как угодно. Но сделай милость: если надумаешь мне о чём-то рассказать, пусть это будут не выдумки.

Глава 6

И вот пришла пора, когда осень стала полноправной хозяйкой в городке и его окрестностях и принялась раскрашивать листву жёлтым, оранжевым и красным. Временами она поливала городок дождями и обдувала ветром, отчего людям становилось зябко и неуютно.

Хотя до поры осень по большей части выказывала мягкий и добродушный характер и не торопилась уступать место морозной зиме, Лета теперь не покидала дома без тёплой накидки и шерстяных чулок, а белокурые волосы её из-за влажного воздуха пушились пуще прежнего.

С Гиласом она стала видаться реже, но когда выдавался погожий денёк, она с радостью спешила к своему лесному другу. Лета рассказывала ему, что нового делается в городке, какие люди к ним приезжают и что с собой привозят. С особым восторгом вспоминала она удивительное представление кукольного театра, что развернулось на площади на радость

детям. Приезжие артисты оказались настоящими мастерами своего дела – так искусно водили они красивых кукол, что те казались совсем живыми: величественные короли гордо взирали со своих престолов, отважные рыцари храбро сражались с грозными чудовищами, а прекрасные принцессы помогали им, убаюкивая их противников волшебными песнями.

Гилас внимательно слушал её рассказы, однако Лета видела, что всё это не вызывает у него особого интереса, а ей хотелось поведать ему нечто такое, о чём он наверняка не знал и что по-настоящему удивит его, но притом будет не сказкой. Долго ломала она над этим голову, но, увы, ничего стоящего припомнить не могла.

И вот однажды, когда Лета снова отправилась в лес, возле холма с чудо-деревьями она увидела незнакомца. Он стоял там и, не отрывая взгляда, рассматривал прекрасные растения, а те мерно покачивали своими изящными гибкими ветками.

С улыбкой Лета приветствовала человека, и тот ответил ей тем же.

– Вы очень счастливые люди, – добавил он, медленно и причудливо выговаривая слова. – Великая радость лицезреть подобную красоту! Не каждому дано такое.

– Вы чужеземец? – полюбопытствовала девочка.

Незнакомец кивнул.

– Я путешественник, – сказал он. – До меня дошли слухи о

чудо-деревьях, и я сказал себе, что непременно должен хотя бы раз в жизни увидеть их. И вот я здесь и вижу, что слухи были правдивы. Деревья эти поистине чудесны!

Он замолчал, вновь перевёл взгляд на рощу и добавил едва слышно – Лета с трудом разобрала его слова:

– Как бы мне хотелось, чтобы и на моей родине росли столь же прекрасные создания... И как жаль, что желанию этому не суждено сбыться.

Лета поняла: чужеземцу известно то, что хорошо знали все жители городка – чудо-деревья не давали плодов, как другие их сородичи, и потому их не могло стать больше. Люди и рады были бы вырастить новые чудо-деревья, но, увы, не могли, потому и были эти растения столь драгоценны для них.

– Вы могли бы бывать у нас почаще, – предложила незнакомцу Лета, – или даже насовсем переселиться сюда.

Человек посмотрел на неё и ответил:

– Ты очень добра, девочка. Возможно, я мог бы поселиться здесь, но слишком уж мне дорог мой родной край. Он необычайно красив, и ты согласилась бы с мной, побывай ты там хотя бы однажды.

Лета собралась было узнать, откуда прибыл путешественник, но тот опередил её, сказав:

– Однако мне уже пора. Я достаточно пробыл в этих краях, и меня ждёт дорога. Быть может, когда-нибудь я ещё вернусь сюда, кто знает. Пока же довольно и того, что я увожу с

собой радость и добрые воспоминания. Прощай!

С этими словами он протянул Лете руку, и та с улыбкой пожала её.

– Доброго вам пути! – сказала она.

Чужеземец кивнул, поднял с земли большую дорожную суму, поудобнее устроил её на плече и зашагал прочь. Лета проводила его взглядом и тут поняла, что знает, о чём Гиласу было бы любопытно послушать. О чём же ещё рассказывать, как не о самом прекрасном на свете – о чудо-деревьях на холме! Ведь Гилас наверняка не слышал легенду о том, как эти дивные создания пришли в мир. И это не выдумки тётушки Селесты, которые её друг не жаловал.

Воодушевлённая этой мыслью, девочка поспешила к лесу. Когда позже она сидела в доме Гиласа, а тот с аппетитом доедал румяный медово-грушевый пирог, которым она угостила его на сей раз, ей подумалось, что друг её, верно, и сам знает историю чудо-деревьев, ведь ему известно о растениях куда больше, чем ей. И всё же она сказала Гиласу, что знает историю, которая почти наверняка придётся ему по душе.

– Хм... – произнёс тот. – Неужели? О чём же она?

– О чудо-деревьях, что растут на холме, – ответила Лета.

Гилас добродушно улыбнулся.

– Дорогой Одуванчик, – сказал он, – уж не думаешь ли ты, будто мне ведомо об этих растениях меньше, чем тебе?

– Ну... – Лета замялась. – Всякое ведь возможно.

– Что ж, – сказал Гилас, – поведай мне свою историю, если

угодно. Я вовсе не прочь узнать, что именно тебе известно.

И Лета начала рассказ. Она припомнила в точности всё, что говорила ей мама о проснувшемся великане, о звёздах, которые он ненароком сбил с небосвода, и о том, как упавшие на землю небесные огоньки превратились в деревья. А когда она завершила легенду словами о том, как звёзды в образе деревьев стремятся вернуться в свой небесный дом, то увидела, что выражение лица её слушателя переменялось. До тех пор Гилас слушал её с вежливым любопытством. Теперь же он помрачнел, а во взгляде его появилось недовольство. Когда же Лета замолчала, Гилас фыркнул.

– Так я и знал, снова выдумки, – сказал он. – Впрочем, ты, бесспорно, ни в чём не виновата и всего лишь пересказываешь то, что слышала. И всё же это полнейшая нелепица, хоть и забавная, не могу не признать.

Лета насупилась. Ей совсем не понравилось, что мамин рассказ Гилас назвал нелепицей.

– Вам не угодить, – с обидой пробормотала она.

– Ну-ну, не обижайся, Одуванчик, – примирительно сказал Гилас. – Люди выдумывают себе легенды, верят в них сами, будто это непреложная истина, и стремятся убедить в этом других. Как я говорил, они слабы и мало что понимают в том, что их окружает. Сомневаюсь, что они достойны любоваться красотой, в которой живут, а уж таким чудом, как деревья на холме, и подавно. Будь моя воля, я бы...

– Опять вы за своё, – недовольно бросила Лета. – Я изо

всех сил стараюсь вас порадовать, а вы только и делаете, что рассуждаете о том, как плохи люди!

– Будь по-твоему, больше не стану, – с усмешкой сказал Гилас, но затем серьёзно добавил: – Пожалуй, я и впрямь перестарался и должен попросить прощения. Я вовсе не хотел тебя обидеть, Одуванчик. Если желаешь, в качестве извинения я поведаю тебе истинную историю деревьев на холме.

– Мне и мамина нравится, – всё ещё обиженно произнесла Лета, хотя в ней тотчас вспыхнуло любопытство.

– Что ж, как пожелаешь. – Гилас пожал плечами.

– Нет-нет, – поспешила сказать Лета, – я с удовольствием послушаю.

Обида её исчезла так же быстро, как появилась. В конце концов, Гилас признал, что был неправ, а Лета была не из тех, кто долго лелеет в душе горькие чувства. К тому же, рассудила она, никто не отберёт у неё историю, что она слышала от мамы, а уж потом она решит, какая ей больше по нраву. Лета поудобнее устроилась на сплетённом из веток стуле и приготовилась слушать.

И вот что поведал ей Гилас.

В незапамятные времена, на самой заре мира, когда был он ещё совсем юн и не было в нём многого из того, что есть ныне, жили две прекрасные сестры. Прежде были и другие подобные им, однако настала пора, когда почти все они ушли из нашего мира туда, откуда явились. Но где лежит их родной мир, никому не ведомо. Две же прекрасные сестры по-

желали остаться в этом мире дольше остальных, ибо хотели принести в него как можно больше красоты. Долго – многие годы, века и тысячелетия – трудились они, преображая мир, к которому привязаны были всей душой. И безграничную радость дарил им их труд, ибо всё, что могли увидеть они своим мысленным взором, всё, что могло создать их воображение, их умелые руки непременно воплощали. И так, благодаря желанию сестёр украсить любимый ими мир, сделать его ярче и разнообразнее, тот становился всё прекраснее, и множество чудес появились в нём, что ныне кажутся нам явлениями привычными, хоть и по сей день способны вызывать восхищение и приковывать взгляды.

Старшая из сестёр более всего ценила покой и порядок, а потому и замыслы её воплощались в том, что по природе своей твёрдо и мало подвержено перемене. Все камни, металлы и самоцветы – творения её рук. Все драгоценные руды вложила она в землю, все разноцветные минералы, хранящие свою красоту многие столетия. В глубоких и тёмных пещерах выращивала она великолепные самоцветы и подолгу не поднималась на поверхность. Но когда завершала она своё новое творение, то выходила наружу и, подставив его лучам солнца, любовалась результатом своих трудов. Она смотрела, как сверкают и переливаются грани на свету, и душа её наполнялась радостью.

Прекрасное струящееся одеяние старшей сестры украшено было тончайшими, но притом крепкими металлическими

пластинами и россыпью драгоценных камней, а в свои дивные светлые волосы вплетала она нити золота и серебра. Если бы в ту пору жили люди, то всякий, кому посчастливилось бы узреть красоту этой сестры, решил бы, будто видит перед собой прекраснейшую воительницу – столь грозной казалась она в своих подобных броне одеждах. Однако человек тот ошибся бы, ибо не было в той, что создавала металлы и самоцветы, ни капли воинственности. Мир и покой царили в её душе. Многие тысячелетия минули, прежде чем появились люди и стали использовать творения прекрасной сестры для войны между собой. Она же создавала их, дабы только украсить мир. И вправду многое потерял бы он, не будь в нём камней и металлов. Он был бы совсем иным, и, быть может, некому было бы и любоваться его красотами.

Что же до младшей сестры, её характер и склонности были совершенно иными. Порядок и покой, столь ценимые первой сестрой, были милы также и ей, но всё же больше любила она изменчивость и движение. Застывшей красоте предпочитала она красоту текущую, а потому и творения рук её были иными: они двигались, росли и преображались. Камни и металлы старшей сестры были вечны и неизменны, хотя бы в глазах созданий, подобных людям. То же, что создавало воображение младшей сестры, было изменчивым, мягким и гибким. Творения рук её были не столь долговечны, однако не менее прекрасны, и в их природе была своя, особая прелесть.

Вторая сестра принесла в этот мир все растения, что ви-

дим мы ныне. И пусть многие из них были в те далёкие времена не вполне такими, как нынешние, а иные и вовсе изменились до неузнаваемости, всё же своим существованием все эти создания обязаны младшей сестре. Из рук её вышли все травы, цветы, кусты и деревья.

Младшая сестра не уступала красотой старшей, но волосы её были цвета самой тёмной древесной коры. Своё воздушное облачение сплела она из тончайших трав и украсила нежнейшими цветами, и никогда не увядали они, источая чудесный аромат. Сестра эта была столь же добра, как и первая, но не так серьёзна, и в характере её было больше склонности к лёгкости и веселью. Воплощая свои замыслы, она часто пела хрустально чистым голосом, прекраснее которого не было на свете и не будет. А потому и создания её рождались со склонностью к музыке. Каждое растение, что являлось на свет из её рук, имело свой голос и подхватывало песнь тех, что родились до него. Вместе пели они удивительную музыку и поют до сих пор, разве что голоса их сделались тише, и мало найдётся способных услышать их.

Когда одна из сестёр завершала своё новое творение, она звала другую, дабы та тоже могла полюбоваться им и оценить, насколько возросло мастерство создательницы. Большую радость дарили сёстрам подобные встречи.

И вот случилось так, что обе сестры окончили свои труды в одно время и в один день показали друг другу новые творения. Как и прежде, каждая с интересом и удивлением рас-

смастривала творение другой. Работы их впервые оказались столь близки друг другу, что сёстры невольно сравнили их в своих мыслях и обе признали, что ни одно не превосходит другое красотой, необычайностью или каким-либо иным качеством.

И захотелось сёстрам вступить в соревнование, дабы узнать, удастся ли одной из них создать нечто совершенно иное и особенное, что поистине удивило бы другую. Это показалось им увлекательной затеей, и потому с воодушевлением они условились: та, что признает победу другой, отдаст ей любое своё сокровище.

На том сёстры расстались и вновь принялись за работу. Долго трудились они, воплощая свои замыслы в жизнь, и вот наконец снова встретились, дабы показать друг другу, что у них получилось.

Старшая сестра поднялась на поверхность, неся в руках изумительной красоты камень. И был он алым, как пламя. Ни один цветок на свете не мог бы похвалиться столь насыщенным цветом. Но не только этим притягивал взор новый камень. Внутри него, в самом сердце, пылал живой огонь – так показалось бы всякому, кто взглянул бы на него. Огонь этот манил к себе, завораживал волшебным светом. И дивилась младшая сестра, видя это чудо, и долго не могла отвести от него взгляд, ибо пламя, таившееся в камне, дарило мир и покой и влекло к себе мягкой, и всё же непреодолимой силой. Но наконец старшая сестра тронула её за плечо, и та,

страхнув с себя наваждение, с охотой признала, что не видела столь же прекрасного самоцвета прежде, и с радостью похвалила мастерство его создательницы. Та же спросила, что принесла она сама, и тогда младшая сестра извлекла из складок своего травяного одеяния чудное растение. Создание это не было зелёным, как все прежние – нежные листья его окрашены были в пурпур и источали тёплый пряный аромат. А стоило их коснуться, как раздавался едва уловимый переливчатый смех, и слышавший его невольно сам начинал улыбаться, и веселье охватывало его. С радостным смехом сказала старшая сестра, что ни одно из растений не вызывало у неё подобных чувств, и тоже с готовностью отметила, что сестра её постаралась на славу.

И всё же не могли они рассудить, чьё творение достойно назваться самым необычным, а потому решили продолжить состязание и вновь вернулись к своим трудам. Немало времени прошло, прежде чем завершили они свои новые творения. С удвоенной силой старались они вообразить и воплотить нечто, непохожее на всё, что было прежде. И вот настал час, когда они встретились вновь.

На сей раз старшая сестра открыла взору младшей удивительный камень, в котором, казалось, заключена была вся неистощимая сила океана. Грани его сияли синевой волн, а в глубине таились штормы и бури. Но не было в них угрозы – лишь сила и величие, которыми камень охотно делился с тем, кто заглядывал в его сердце.

Младшая же сестра, восхитившись красотой синего камня, протянула раскрытую ладонь старшей, и та увидела небесно-голубой цветок, нежнее которого не доводилось ей видеть прежде. Упоительный его аромат был таков, что почудилось старшей сестре, будто стала она совсем невесомой и вот-вот воспарит в небо и поплывёт по его необъятным просторам подобно облаку. Необычайную лёгкость и беззаботность дарил этот цветок, и в том была его особая прелесть.

И вновь оба творения оказались достойны друг друга, и сёстры не могли решить, за кем оставить победу, хотя каждая была готова уступить. Посему в третий раз простились они и вернулись каждая в свой сад: первая – в подземный, вторая – в поднебесный. Никогда прежде не расставались сёстры так надолго. Многие столетия минули с тех пор, как виделись они в последний раз, и стали они тосковать друг о друге, а потому стремились поскорей завершить свои труды. И вот настала пора, когда старания их были вознаграждены.

В третий раз встретились они, дабы показать друг другу, каких высот достигло их мастерство. Тогда вручила старшая сестра младшей новый самоцвет. И не было в нём ни алого пламени, ни морской синевы, не внушал он ни величия, ни покоя. Третий камень оказался вовсе лишён цвета и был прозрачен, как воздух. Однако столь простым казался он лишь на первый взгляд. Днём, при свете солнца, был он обычным, хоть и, бесспорно, красивым камнем – грани его сверкали, но больше не было в нём ничего примечательного. Зато но-

чью, как только на тёмном небосводе появлялась луна, камень будто заполнялся белой дымкой и принимался испускать нежное сияние. Тогда, стоило владельцу самоцвета зажать его в руке, как он погружался в глубокий сон, и душа его могла летать между мирами по своему желанию и видеть то, что прежде ей не случалось видеть, то, что не могла бы она узнать, находясь в пределах мира собственного. И были эти странствия прекрасны и удивительны. Никогда прежде не доводилось младшей сестре любоваться во сне далёкими звёздами, что скрыты от взора в нашем мире, и была она поражена этим зрелищем.

Молча протянула она старшей сестре своё новое творение, но та увидела на её ладони тот же, как ей почудилось, лазурный цветок, что она видела прежде. Тонкие лепестки его были сложены в бутон, и недвижно покоился он, никак себя не проявляя. Не исходил от него дивный аромат, не внушал он приятных чувств. Удивилась старшая сестра и спросила младшую, в чём же секрет её творения, на что та лишь улыбнулась и легонько подула на лазурный бутон. И вдруг цветок шевельнулся. Лепестки его расправились, но совсем не так, как у тысячи его сородичей. К своему изумлению, старшая сестра поняла, что вовсе не цветок видит она. И вовсе не растение это было, а новое, дотоле невиданное существо, подобных которому не было прежде в нашем мире. Вздых восхищения вырвался у неё из груди, ибо никак не ждала она увидеть что-либо столь отличное от того, что раньше созда-

вала младшая сестра. А существо тем временем взмахнуло лепестками и легко поднялось в воздух, ибо была это первая на свете бабочка – первое живое творение, не привязанное к земле, подобно растению, но свободно парящее по своему желанию.

И как бы ни был чудесен новый самоцвет старшей сестры, он по-прежнему оставался камнем, как и тысячи других, созданных ею до него. Бабочка же стала чем-то совершенно иным и не принадлежала к цветам и деревьям. И старшая сестра в восхищении признала победу младшей, спросив, чего же та хочет в награду.

Поразмыслив немного, младшая сестра пожелала, чтобы старшая остригла свои прекрасные светлые волосы и подарила ей, и та так и поступила. С улыбкой передала она сестре густые, сияющие золотом и серебром волосы, и с благодарностью и трепетом приняла младшая сестра сей щедрый дар. Затем взяла она каждый волосок и, вплетя в него частичку солнечного света и звуки своего чудесного голоса, превратила его в семечко, а после отправилась в путь. Время от времени останавливалась она и бросала в землю пригоршню этих семян, и в каждом таком месте вырастали чудо-деревья – прекраснейшие из растений, что сохранились по сию пору. Доныне хранят они в себе сияние прекрасных волос старшей сестры и отзвук чудесного голоса младшей. И так же, как прежде, тянут они свои гибкие ветви к солнцу, ибо и его свет заключён в них.

– Такова истинная история рождения чудо-деревьев, – завершил свой рассказ Гилас. – Они вовсе не звёзды, упавшие с небес на землю, а творения рук одной из прекрасных сестёр. Ей же обязан я и собственной жизнью...

Лета заворожённо слушала рассказ и так глубоко погрузилась в тот древний мир, который нарисовало её воображение, что не сразу поняла, где сейчас находится сама. Наконец она осознала, что по-прежнему сидит на стуле из сплетённых веток, в лесной хижине, и в растерянности заморгала.

А Гилас тем временем, немного помолчав, добавил:

– И знаешь что, Одуванчик, если рассудить, в том предании, что ты поведала мне, также есть доля правды. Признаться, я не понял этого сразу, но теперь мне стало ясно. Пусть деревья никогда не были звёздами, в них есть их частица. Такими они были созданы. Ведь солнце – тоже звезда, а значит, его свет родственен звёздному.

– Разве солнце – звезда? – усомнилась Лета. – Но ведь оно другое: куда больше звёзд и даёт тепло.

– Это всего лишь оттого, что оно гораздо ближе к нашему миру, чем другие звёзды, – сказал Гилас. – И если бы ты могла приблизиться к любой другой звезде, то увидела бы, что она очень похожа на солнце.

– Я этого не знала, – удивлённо произнесла девочка.

Гилас усмехнулся.

– Невелика беда, – сказал он, – зато теперь знаешь.

– А откуда всё это знаете вы? – любопытно спросила Лета. –

Тот человек рассказал вам?

Гилас метнул на неё такой взгляд, будто она нанесла ему смертельное оскорбление. Но мгновение спустя он, покачив головой, сказал:

– Ты всё-таки совсем ещё неразумна, Одуванчик. Говоришь не подумав. Не может тот, кто родился вчера, знать о давнем событии больше того, кто жил задолго до него и видел всё собственными глазами.

– Вы сами всё это видели? – поражённо произнесла Лета.

– Хм... Не вполне, – признал Гилас. – Пожалуй, я неверно выразился. Однако воспоминания о тех временах надёжно хранятся в моей памяти.

– Как же можно помнить то, чего не видел? – удивилась Лета.

– Можно, – ответил Гилас. – Я всегда это знал, с того самого момента, как впервые увидел солнечный свет. – Тут он будто уловил что-то, доступное лишь его слуху, и добавил: – Однако нам пора расстаться. Время пришло.

Он вновь проводил Лету до упавшего дерева и сказал на прощание:

– Вот что, Одуванчик. В следующий раз приходи не раньше, чем через две недели, ибо до тех пор я буду слишком занят и не смогу говорить с тобой.

И прежде чем Лета успела спросить о причине, Гилас исчез, и только зелёный огонёк мелькнул вдали между деревьями.

Глава 7

Младшая сестра смотрела на Лету пристально и с любопытством, будто на неведомое существо. Длинные тёмные волосы её развевались на ветру, и вплетённые в них осенние листья тихо шелестели. Она улыбалась, но странная печаль была в той улыбке. Прекрасная сестра протянула руку, словно бы хотела открыть окно. А может статься, она манила девочку к себе. Лета так и не узнала этого – внезапно раздался стук, и прекрасное лицо за окном вмиг исчезло. Лета вздрогнула и выронила из рук гербарий. Она поняла, что задремала, сидя у окна гостиной, и потянулась за альбомом. И тотчас же стук повторился, на сей раз настойчивее – кто-то стучал в дверь и, судя по всему, торопился.

До слуха Леты донёсся звук маминых шагов, а затем – голос тётушки Селесты. Та говорила тихо, и потому девочка не могла разобрать слов, но явственно услышала в голосе тётушки волнение и забеспокоилась. Она поспешила к двери и увидела картину, которая обеспокоила её пуще прежнего: мама и тётушка Селеста стояли друг против друга и лица их были бледны, как полотно.

– Что случилось? – спросила Лета, хотя слышать ответ ей вовсе не хотелось.

– Ах, голубка, – проговорила тётушка Селеста дрожащим голосом и часто заморгала, потому что готова была расплакаться, – наши прекрасные деревья...

Тут тётушка Селеста запнулась, и за неё продолжила ма-

ма:

– Похоже, деревья заболели, милая, или что-то ещё дурное с ними произошло.

– Пока мы ничего не знаем, – снова вступила в разговор тётушка Селеста. – Однако ясно: ничего доброго ждать не приходится. Ох, что же будет!

Лета почувствовала, как сердце её часто-часто застучало. От волнения она не могла вымолвить ни слова, хотя в голове кружилось множество разных мыслей.

Мама же, вздохнув, сказала:

– Давайте не будем предполагать худшее. Разумнее всего нам пойти к холму и увидеть всё своими глазами.

– Да-да, – согласилась тётушка Селеста. – Верно, там уже собралась добрая половина города. Поспешим и мы!

И правда, когда они пришли к холму, то увидели немалую толпу встревоженных горожан. Те взволнованно смотрели на рощу и, качая головами, негромко переговаривались между собой.

Лета тоже взглянула на холм, однако ничего необычного не увидела – чудо-деревья по-прежнему стояли там и выглядели так же, как всегда. Пока мама и тётушка Селеста говорили с другими горожанами, она обошла холм, но так ничего и не заметила.

Озадаченная, Лета вернулась обратно.

– Не понимаю, – обратилась она к маме. – Деревья такие же, как всегда. Отчего все так беспокоятся?

– Увы, милая, не такие, – ответила мама. – Сейчас ты этого не видишь, потому что полдень уже миновал, но так случилось, что один из горожан в то время как раз проходил мимо и заметил, что одно дерево не вспыхнуло золотом на солнце, как должно было. – И мама указала на растение у самого края рощи. – Смотри, вон оно!

– Но ведь ему могло показаться, – проговорила Лета с надеждой.

– Могло, – согласилась мама, – и будь дело только в этом, никто бы так не тревожился. Но случилось ещё кое-что: неподалёку нашли несколько листьев. Виданное ли дело, чтобы чудо-деревья сбрасывали листву поодиночке, как это делают другие! Ты не хуже меня знаешь, каковы они.

– Что же теперь будет? – в волнении спросила Лета.

Мама вздохнула и прижала её к себе.

– Если бы я знала, милая, – сказала она, – если бы я знала...

Тем временем люди рассудили, что благоразумнее подождать немного и посмотреть, что будет дальше. Как и прежде, приближаться к деревьям они не решались. Да и никто не знал, что полагается делать в таких случаях. К тому же в сердце каждого из них жила надежда, что всё наладится и захворавшее дерево сможет исцелиться само.

Придя к общему мнению, они начали расходиться по домам, однако тревогу, что затаилась в душе каждого из них, не так-то просто было изгнать. И как ни старались люди храб-

риться и надеяться на лучшее, на сердце у них было неспокойно, и потому тень опустилась на город, и краски жизни, прежде яркие и чистые, потускнели и поблекли.

Лета же вовсе пала духом. Все мысли её были обращены к чудо-деревьям. Что же случилось с ними? Как им помочь? Она не знала ответов и чувствовала себя совершенно беспомощной. До самого вечера она то и дело подходила к окну, чтобы взглянуть на холм, и всякий раз отчего-то чудилось ей, что вот сейчас она посмотрит туда и не увидит прекрасных созданий, что все они исчезли и не вернуться больше. Однако деревья по-прежнему были на месте, и казалось даже, будто они вполне благополучны, хоть Лета и знала, что это не так.

Тревога долго не давала ей уснуть, а когда сон наконец пришёл, был он тяжёлый и неприятен. Лете виделось, как одно за другим исчезают деревья с холма. Она просила их не уходить и в мольбе протягивала руки, но напрасно – всё меньше становилось их, всё меньше света и радости оставалось в месте, которое они покидали. А когда на холме осталось одно-единственное деревце, сиротливо тянущее тонкие веточки к небу, Лета проснулась. Она подошла к окну, взглянула на холм и тонкую полоску леса за ним, и тут её осенило: Гилас! Ему так много известно о растениях! Быть может, он сумеет помочь?

Лета заволновалась: с последней их встречи прошла неделя, ещё столько же ей не велено приходить в лес. Если она

нарушит слово и явится сейчас, Гилас наверняка рассердится. Что же делать? Лета никак не могла решить: может, рассказать о нём маме? Нет, нельзя! Ведь она обещала, что никто о нём не узнает. Как же поступить?

Такие мысли не давали ей покоя весь день и на завтра тоже. Жители города тем временем наблюдали за чудо-деревьями, и то, что они видели, вселяло в них всё больше тревоги. Деревья чахли на глазах. То из них, что перестало сиять золотом на солнце, теряло всё больше листьев – никаких сомнений в том, к несчастью, не осталось. Другие же, словно печалась о своём заболевшем брате, ещё встречали солнечный полдень золотым сиянием, но было оно куда тусклее прежнего.

И тогда Лета решилась. Будь что будет, подумала она и, улучив подходящий момент, со всех ног бросилась к лесу. Она бежала и бежала, а сердце её билось всё быстрее и быстрее. И вот наконец добралась она до упавшего дерева и, едва переведя дух, принялась звать Гиласа. Однако, сколько бы ни выкрикала она его имя, ответа не было. Как бы ни всматривалась она в лесную чащу – не мелькнёт ли вдали изумрудный огонёк, – она не видела ничего, кроме кустов и деревьев. Лета терпеливо ждала в надежде, что лесной друг услышит её и придёт на зов, но напрасно – никто не ответил ей.

«Куда же он делся?» – взволнованно думала Лета.

Никогда прежде не было такого, чтобы Гилас не отозвался. Тревога её росла всё больше, всё быстрее стучало сердце,

чувствуя неладное. Неужели и с её другом случилось что-то дурное?

Недоброе предчувствие и холодный осенний воздух сделали наконец своё дело, и Лета решила, что дальше стоять на одном месте нет никакого толку. Она совсем озябла и подумала было, что пора вернуться в город, к теплу и уюту. Она уже видела, как возвращается домой, где её ждёт чашка горячего чая, как вдруг в голове мелькнула мысль: что, если Гилас в своей хижине? Нет, нельзя уйти вот так, не узнав, что с ним случилось!

И вот, поплотнее запахнув тёплую накидку, Лета двинулась в гущу леса. Не так просто оказалось самой отыскать жилище Гиласа, хоть и долго бродить ей тоже не пришлось. Она уже знала: стóит повнимательнее присмотреться – и лесной домик покажется.

Вот и он – диковинный домик-куст с двумя окошками и дверкой. С некоторой опаской Лета подошла и нерешительно постучала. Тишина. Она постучала снова, уже громче. И вновь никакого ответа.

Тогда Лета подошла к одному из окошек и заглянула внутрь. В хижине было темно, и девочке, как она ни старалась, почти ничего не удалось разглядеть, разве что слабо светился очаг в углу. Она присмотрелась: так и есть – под тем давно не чищенным котлом, что она увидела, когда впервые оказалась в лесной хижине, горел огонь, в самом же котле что-то булькало, а к потолку поднимался пар.

И тут в носу у Леты защипало, она ощутила странный запах. Поначалу был он едва различим, но чем дольше она принюхивалась, тем сильнее он становился, и девочке он совсем не понравился. Пока она раздумывала, что же это варится в котле, противный запах обволакивал её, делаясь всё нестерпимее, пока наконец у Леты не заслезились глаза. Горло заболело, голова закружилась, и, оказавшись кто-нибудь рядом, он увидел бы, как в один миг румянец сошел с её лица, и Лета побелела, как мел.

Не в силах больше выдерживать мерзкого запаха, она поспешила отойти подальше от хижины. Но не только запах прогнал её оттуда. Она вдруг испугалась, оттого что в голове её вспыхнула ужасная мысль: в котле, несомненно, варится что-то плохое! Девочка не знала, что именно, но чудовищный запах, от которого она чуть было не лишилась чувств, не оставлял сомнений: варево в грязном котле не может сулить ничего доброго!

Сердце Леты сжалось от страшной догадки. Она постаралась отмахнуться от неё, однако, чем больше пыталась, тем сильнее становилось подозрение. Неужели это отвратительное зелье предназначалось прекрасным деревьям на холме? Неужели это Гилас задумал их погубить? Лете не хотелось в это верить. Нет, её друг не мог так поступить! Зачем ему это?

Мысли металась в её голове, словно перепуганные птички, а сама она будто окаменела. Она всё стояла неподалеку от лесной хижины, уже не видя её, но зная, что где-то там

висит над очагом закопчённый котёл с ужасным зельем, и не могла пошевелиться.

Так вот отчего Гилас не велел ей так долго появляться в лесу! Он не хотел, чтобы она узнала, какое злодейство он замыслил. А она была так легковерна, что позволила обмануть себя!

От этой мысли Лете стало так горько и обидно, как не было ещё никогда. Никогда не испытывала она столь ужасных чувств. Жгучие слёзы хлынули у неё из глаз. Лета всхлипнула, и оцепенение пропало. Она стремглав бросилась бежать вон из леса, подальше от хижины и зелья. Лета бежала, почти не разбирая дороги, слёзы застилали ей глаза, и она едва видела, куда ступает. Не будь ей хорошо знакомо это место, она непременно заблудилась бы. Но ей не нужно было вспоминать дорогу, ноги сами вели её, и потому она быстро добралась до упавшего дерева, и там по тропинке – и до края леса.

Ни разу не остановилась она перевести дух, ни разу не оглянулась, пока не оказалась у своего дома. Дрожащими руками закрыла она за собой дверь и разрыдалась.

– Что стряслось, доченька? – взволнованно спросила мама, которая, услышав плач, бросилась навстречу. – Отчего ты плачешь? Не ушиблась ли?

Глотая слёзы, Лета лишь качала головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Что же тогда? – Мама с тревогой заглядывала дочке в

глаза. – С кем-то поссорилась?

– Нет, мама, – с трудом выговорила Лета. – Мне... очень жаль наши деревья. Они ведь погибнут, верно?

Мама обняла её и, вздохнув, сказала:

– Мне тоже их жаль, милая. Нам всем грустно видеть, как деревья болеют. Увы, никто не знает, как вылечить их. Но мы обратимся к тому, кто, быть может, сумеет это сделать.

Лета удивлённо взглянула на маму.

– Кто же это? – спросила она.

– В одной далёкой стране живёт мудрец, – ответила мама. – Говорят, ему ведомо столько, сколько не знает ни один другой человек на свете. Даже волшебство ему по силам. Ему послали весть о нашем несчастье, и, если он откликнется и успеет прибыть, пока не станет слишком поздно, то, быть может, чудо-деревья останутся с нами. А потому не печалься понапрасну – не всё ещё потеряно.

От маминых слов в сердце Леты вспыхнула искорка надежды, но вечером, когда пришла пора ложиться спать, и девочка в раздумьях лежала в постели, искорка померкла.

«Что, если тот волшебник не сможет приехать? – в тревоге думала Лета. – Что, если будет уже слишком поздно?»

Она думала и думала, одна мысль мрачнее другой поселялись у неё в голове, не давая уснуть. Лета то вставала и подходила к окну, сама не зная, что хочет там увидеть, то снова ложилась. Но сон не шёл. И так, мучаясь тревожными раздумьями, провела она всю ночь. А когда над горизонтом

появились первые лучи солнца, Лета вдруг решила всё рассказать маме: о том, что без её ведома ходила в лес, о том, как встретила там Гиласа, и о жутком зелье, которое губило чудо-деревья. Так сильна была её любовь к прекрасным растениям на холме и так велик страх потерять их и никогда больше не увидеть дивного сияния и не услышать пения, что Лета разом позабыла о боязни наказания. Она знала, что мама рассердится, но теперь это показалось ей совсем не важным: она с готовностью примет любое наказание, только бы спасти деревья! Почти весь день Лета набиралась храбрости, но наконец отбросила последние сомнения и отправилась к маме.

Та внимательно выслушала её рассказ и улыбнулась.

– Ох, и выдумщица ты у меня! – сказала она, покачав головой.

– Ты не веришь мне, мама? – растерялась Лета.

Она ждала, что её станут бранить и накажут, но никак не этого, и девочке стало обидно. Если уж мама не верит ей, то и никто другой не поверит, а значит, деревья спасти не удастся.

– Верно, ты переволновалась, милая, – тем временем ласково проговорила мама. – Всё это привиделось тебе во сне, а чудится, будто случилось наяву.

– Вовсе нет! – воскликнула Лета. – Я нынче не сомкнула глаз. Поверь мне, я нисколько не выдумываю! – Она смущённо потупилась. – Мне следовало раньше всё рассказать, и я

хотела... правда, хотела, но боялась, что ты рассердишься.

Лета подняла глаза и увидела, что мама засомневалась. Как же убедить её, что всё правда? Что сделать, чтобы она поверила?

И тут её осенило: гербарий! Он ведь заполнен, и растения там такие, что в окрестностях города не встретишь. Лета вскочила на ноги и поспешила к себе. Вернувшись с пухлым альбомом, она протянула его маме. Та принялась перелистывать страницы и рассматривать растения и рисунки и чем дольше смотрела, тем больше хмурилась. Наконец она взглянула на Лету и сказала:

– Что ж, видимо, в лесу ты и вправду бывала. Уж не знаю, встречала ли ты там того, о ком рассказываешь, или нет, вреда не будет, если мы это проверим.

Сказав так, мама отложила альбом, встала и направилась к выходу.

– Будь здесь и никуда не уходи, – строго сказала она. – Я скоро вернусь.

С этими словами она вышла и закрыла за собой дверь. Вернулась она, когда уже совсем стемнело. К тому времени Лете, что томилась дома в неизвестности, показалось, будто минула целая вечность. И когда мама появилась на пороге, она кинулась к ней с немым вопросом в глазах.

– Иди-ка спать, милая, – сказала мама. – Мы сделали, что могли. Теперь остаётся только ждать. Посмотрим, что принесёт нам завтрашний день.

Глава 8

Ранним утром на пороге дома на окраине появилась взволнованная тётушка Селеста.

– Он пойман! – воскликнула она, едва перед ней отворилась дверь. – Губитель деревьев пойман!

С этими словами она в порыве чувств обняла маму Леты и тут увидела заспанное личико самой девочки, которая выглянула узнать, что происходит. Внимание тётушки тут же переметнулось на неё, и та, не успев и глазом моргнуть, тоже оказалась в крепких объятиях.

– Голубка ты моя! – приговаривала тётушка дрожащим от радости и волнения голосом. – Ты спасла наши чудесные деревья! Что бы мы делали, если бы не ты! Ох, и подумать страшно!

Наконец тётушка Селеста выпустила Лету из объятий и, устроившись в гостиной, принялась торопливо рассказывать о том, что случилось ночью.

– Я никак не могла уснуть, – говорила она, – всё лежала и думала, как там наши несчастные деревья и удастся ли изловить злодея, что покушается на них. Ах, как мне хотелось самой быть там, у холма, хотелось самолично подстеречь его, кем бы он ни был! Но, признаюсь, я боялась. Мне было бы жутко сидеть в темноте с другими и терпеливо ждать. Должна сказать, для этого нужно обладать изрядной долей хладнокровия, которого у меня, увы, в недостатке. А потому я отказалась от этой мысли и сочла за лучшее подождать дома.

Как я уже сказала, мне никак не удавалось уснуть – до того я волновалась. Но вот я услышала чьи-то приглушённые крики, которые делались всё громче и наконец стало ясно: что-то происходит совсем недалеко от моего дома. Удивительно, что вы ничего не слышали – мне-то казалось, шум был таков, что весь город должен проснуться!

Тётушка Селеста умолкла, чтобы отпить чаю, который к тому времени принесла мама. Затем она вернула чашку на блюдце и продолжила:

– Но, как бы там ни было, я, разумеется, не могла оставаться в неведении и вышла на улицу. И что за зрелище представало моим глазам! Наши добрые горожане, которые вечером отправились к холму, чтобы изловить того, кто губит деревья, не зря провели полночи в кромешной тьме и, прошу заметить, на холоде – они ведь не могли развести огонь, чтобы согреться. Ох, я всегда знала: в нашем городе живут отважные и самоотверженные люди! Впрочем, я отвлеклась... Так вот, уж не знаю, как им это удалось, но они, просидев в темноте добрую половину ночи, обнаружили и схватили ужасное создание! Они застали его врасплох и поймали в тот самый момент, когда он лил на корни наших несчастных деревьев отвратительное зелье!

Тётушка снова потянулась к чашке с чаем, чтобы перевести дух – она очень волновалась, даже руки её подрагивали.

– Ох, что же это было за жуткое создание, – вздохнув, проговорила она. – Мне удалось разглядеть его в свете фонарей.

Уверяю вас, ничего страшнее я в жизни не видывала! Подумать только, и такое чудовище жило совсем рядом с нами! Злодей пытался вырваться, разорвать верёвки, которыми его связали, но путы его были надёжны – страшно подумать, что было бы, если бы ему удалось освободиться! Всю дорогу он ужасно кричал, призывая проклятия на головы людей. Я не решилась подойти ближе, но даже так разглядела, какой злобой горели его глаза. На мгновение мне показалось, что чудовище способно испепелить взглядом любого, на кого посмотрит! Ох и натерпелась я за те минуты, пока это существо вели мимо моего дома! Никогда не забуду тот дикий, злобный огонь в его глазах!

Лета, которая затаив дыхание слушала рассказ тётушки Селесты, удивилась про себя: какие же глаза могла увидеть тётушка, если у Гиласа всего один глаз? Очень странно, подумалось девочке. Верно, тётушке попросту показалось. Или вовсе не Гиласа поймали горожане? От этой мысли Лета разволновалась ещё больше. Если это был не Гилас, кто же тогда?

– Где же это существо теперь? – улучив момент, спросила она.

– О, его отвели в башню, – ответила тётушка. – Ты ведь знаешь, голубка, в нашем славном городе нет темниц для злодеев, они нам вовсе ни к чему. Но вряд ли кто согласился бы, чтобы в его дом привели столь ужасное создание – уж я бы точно не позволила! А потому башня – единственное

подходящее для этого место. К тому же там есть подвал, вот туда-то его и посадили. Но ты не волнуйся, сбежать оттуда этот изверг не сможет. Теперь остаётся выведать у него, что он сделал с чудо-деревьями и как их исцелить.

Лета неуверенно посмотрела на маму, а та сказала:

– Сомневаюсь, что это удастся, Селеста.

– Это почему же? – удивилась тётушка.

– Ведь он не для того губил деревья, чтобы вот так просто взять и рассказать, как исправить содеянное, – ответила мама.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – заявила тётушка Селеста. Она уже достаточно успокоилась, и теперь в голосе её зазвучала уверенность. – Вот посидит в подвале и одумается. Вряд ли ему захочется остаться там до конца своих дней. Однако я уже засиделась у вас, – добавила она. – Пойду-ка разузнаю, не выяснилось ли чего нового. Быть может, удастся взглянуть на это чудище при свете дня. Не иначе как сейчас там собрался чуть ли не весь город. Однако я всё-таки схожу, уж очень любопытно. Благодарю за чай!

С этими словами она удалилась, оставив Лету и её маму обдумывать ночное происшествие.

После того как губитель чудо-деревьев был пойман, горожане заметно приободрились. Все только и твердили, что совсем уже недалёк тот час, когда злодей сознается в том, что сделал, и средство для спасения деревьев будет найдено.

Однако время шло, а пленник в башне не проронил ни

слова. Как ни старались горожане добиться от него ответа – уговорами, обещанием награды, угрозами, – всё было напрасно. Говорили, что злодей хранит упорное молчание и лишь изредка бросает злобные взгляды на тех, кто к нему подходит. От еды, что ему приносили, он неизменно отказывался, и это добавляло беспокойства и без того встревоженным людям. Надежда, что ещё совсем недавно вспыхнула было в их душах, гасла день ото дня. Единственное, что оставалось горожанам, – дожидаться приезда волшебника, которому послали весть, и лишь это мешало надежде угаснуть совсем. Однако тот отчего-то не спешил с приездом, а между тем дело шло к зиме.

Не было дня, чтобы не выходили горожане из домов посмотреть на дорогу – не покажется ли вдали повозка, в которой прибудет тот, кто сможет спасти чудо-деревья, но всякий раз дорога была пуста. Вновь и вновь отправляли жители городка весть волшебнику, призывая его помочь их несчастью, однако ответа не было.

И каждый день люди отправлялись к роще на холме взглянуть на гибнущее чудо-дерево, которое, увы, продолжало сбрасывать листья, хоть и было уже избавлено от губительного зелья. Горожане храбрились, говоря друг другу, что всё непременно закончится благополучно, что дерево ещё может излечиться само, либо волшебник успеет прибыть вовремя. Однако многие втайне боялись, как бы не стало ещё хуже. Сердца их подтачивал страх, что и другие деревья зачахнут,

скорбя о своём брате.

И однажды случилось так, что опасения эти сбылись: придя к холму в один из дней, горожане с ужасом увидели, что коварное зелье добралось до второго дерева – несчастное растение потускнело, а с его ветвей печально осыпались листья, устилая бурую траву у корней. Не слышали они и дивного пения, которым прежде деревья встречали солнце после дождя.

Отчаяние охватило людей, а радость и веселье, что всегда царили в прекрасном городке, сменились тягостной печалью. Угасли счастливые улыбки на лицах, умолк звонкий смех. Не осталось ни единого дома, где не поселилась бы грусть. Слишком любили люди чудо-деревья и потому не могли представить, какой станет их жизнь без прекрасной рощи на холме.

Лета тоже печалилась и ни в чём не могла найти утешения. А больше всего мучила её мысль, что ничем не может она помочь деревьям. С тех пор, как был пойман тот, кто губил их, она никак не решалась пойти и посмотреть на него. Лета всё думала: что, если вовсе не Гиласа поймали горожане? Что, если напрасно она подозревала его в дурных намерениях? Однако выяснить это она боялась. Боялась, что злодеем всё-таки окажется именно её лесной друг. Но ведь это мог быть и не он... Был только один способ развеять сомнения, и наконец девочка решилась.

Сама не зная, на что надеется, отправилась она к башне с

часами. По дороге она справедливо рассудила, что едва ли её пустят к пленнику, ведь она ещё мала. А потому она решила пойти другим путём.

У самого основания башни проделаны были маленькие окошки, сквозь которые тонкие лучи света попадали в подвал, где, как говорили, томился злодей. К одному из окошек Лета и направилась. Конечно, она вовсе не собиралась пробираться внутрь. Даже пожелай она того, ей не удалось бы протиснуться в окошко – для неё оно было чересчур малю, и потому она опустилась на колени и с опаской заглянула внутрь. Но как бы она ни всматривалась, разглядеть того, кто сидел в тёмном подвале, ей не удавалось. И тогда, с часто бьющимся от волнения сердцем, Лета тихонько позвала:

– Гилас? Вы тут?

Голосок её прозвучал так тоненько, что Лета невольно подумала: мышинный писк и то вышел бы громче. Неудивительно, что на зов её никто не откликнулся. Она вздохнула, набираясь храбрости, и повторила свои слова. Теперь они прозвучали громче – пленник не мог их не услышать. Однако и тогда ответа она не получила.

«Может, это и не Гилас, а кто-то другой? – подумала Лета. – Потому и не отзывается на чужое имя. А может, там и вовсе никого нет?»

Лета прислушалась – тишина.

«Попробую снова», – решила девочка. Однако позвать пленника в третий раз она не смогла – слова застряли у неё в

горле. Лета в испуге отпрянула от окошка, упала и пребольно ушиблась. Сердце её заколотилось пуще прежнего, потому что перед ней возникло искажённое злобой лицо. Такого выражения не видела Лета ни у одного живого существа. Никто из тех, кто был ей знаком, не глядел на неё с такой неприязнью, и Лете почудилось, будто лицо это она видит впервые в жизни. Но, увы, впечатление было мимолётным и рассеялось в мгновение ока, как и слабая надежда, что таилась в её душе.

Из-за крошечного окошка на Лету смотрел не кто иной, как Гилас, который стал ей добрым другом и который так подло обманул её. Лете хотелось что-нибудь сказать, но что именно, она не знала. Она позабыла даже, зачем вообще пришла к башне, и уже начала жалеть, что сделала это. Девочка всё смотрела на Гиласа, и горькие слёзы готовы были скатиться по её щекам. А тот неотрывно смотрел на неё, будто силясь прожечь взглядом.

– Зачем ты явилась сюда? – услышала Лета низкий холодный голос.

– Я... – только и сумела вымолвить она, остальные слова будто бы попрятались от страха.

Гилас издал странный звук – похожий на рычание вздох, от которого у Леты по спине побежал холодок. Потом пленник отвернулся и исчез в темноте. Лета поднялась и, хоть и дрожала от волнения и страха, вновь подобралась к окошку.

– Я... я только хотела поговорить, – запинаясь, пролепеч-

тала она.

Разглядеть Гиласа она не могла и увидела только, как в углу шевельнулась тень.

– Я не желаю говорить с тобой, – донёсся до её слуха холодный голос. – Ты предала меня и ещё смеешь ко мне обращаться.

– Но ведь вы меня обманули, – возразила Лета. – Я вам верила, а вы тайком варили ужасное зелье. Я видела его своими глазами! А ещё я помню, как дурно вы отзывались о людях, говоря, что они не заслуживают таких прекрасных деревьев. Разве это не правда?

– Я и теперь держусь того же мнения, – прогудел голос. – Неужели ты думаешь, что, оказавшись у людей в плену, я изменю своё отношение? Вы все невежественны и коварны.

– Это не так! – с обидой воскликнула Лета. – Мы всего лишь хотим сберечь то, что нам дорого!

– Глупое создание! – вскричал Гилас. – Ты и твои сородичи виноваты сами! Не видать вам теперь деревьев, попомни мои слова!

Гилас умолк на мгновение, а потом добавил тем же ледяным тоном, каким говорил раньше:

– И больше я не скажу тебе ни слова. Убирайся!

И столько холода и презрения было в этих словах, что Лета поняла: что бы она теперь ни сказала, Гилас ей не ответит. Она посидела у окошка ещё немного, затем поднялась и побрела домой.

И вновь потянулись безрадостные дни. Как и все горожане, Лета ждала, когда же придёт мудрый волшебник, и надежда её с каждым днём таяла. Снова решила она пойти к Гиласу. Пусть он кричит на неё, думала Лета, пусть называет её как хочет, она больше не испугается! Что-то подсказывало девочке, что на сей раз ей удастся разжалобить лесного жителя, и тот согласится рассказать, как спасти чудо-деревья.

Лета приходила к башне снова и снова. Она звала сидящего в подвале пленника, плакала, умоляла не губить деревья лишь для того, чтобы досадить людям, которых Гилас так не любил. Она взывала ко всем добрым чувствам, которые, как она надеялась, таятся в глубине его души. Но как бы она ни старалась, сколько бы времени ни проводила у башни в мольбе, в ответ не услышала ни единого слова. Лете даже стало казаться, будто Гилас чудесным образом исчез, в подвале пусто, и она говорит сама с собой. С каждым днём всё горше и тяжелее делалось у неё на душе, всё печальнее становилась она, и всё больше угасала надежда, которая разгоралась, когда Лета вновь отправлялась к башне.

И вот однажды, когда она вышла из дома, в последний раз решив пойти туда, она увидела на дороге, у самого горизонта, маленькое тёмное пятнышко. Пятнышко стремительно приближалось. Оно всё росло и росло, слегка покачиваясь из стороны в сторону, пока наконец не превратилось в повозку, запряжённую парой лошадей. А когда повозка проезжала мимо, сидевший внутри человек взглянул на девочку.

И столь удивительным был этот взгляд, что Лета вскрикнула от радости. Ей показалось, будто с души её упал огромный тяжёлый камень, а в мир снова вернулись все краски. Быстрее ветра бросилась она обратно домой, чтобы сообщить маме радостную весть: в город приехал волшебник.

Глава 9

Едва в городе появился тот, кого так долго ждали, всё тотчас преобразилось. Люди с ликованием встретили волшебника. Печаль и уныние в сердцах горожан развеялись, надежда и радость заняли их место. И пусть небо в ту пору затягивали тяжёлые осенние тучи, люди радовались так, будто снова видят тёплое ласковое солнце. Все воспрянули духом и только и говорили, что теперь-то прекрасные деревья излечатся от постигшей их болезни. В этом горожане были едины. Разошлись они только во мнении, когда именно произойдёт это счастливое событие. Одни утверждали, что не пройдёт и дня, как деревья вновь засияют золотом на солнце, ведь волшебник известен своим мастерством по всему свету, а потому, стбит ему лишь прочесть нужное заклинание – и деревья исцелятся. Другие же полагали, что даже столь знаменитый мудрец не сумеет вылечить деревья в одно мгновение, и вновь любоваться их сиянием и слушать пение людям доведётся лишь с приходом весны. Однако, какими бы ни были их предположения, все как один с нетерпением ждали, когда мудрец приступит к работе.

Долгожданный гость же, похоже, вовсе не считал, что дело

не терпит отлагательств. Поселившись в гостинице, он принялся неторопливо раскладывать в своей комнате толстые старинные книги, которые привёз с собой. И книг этих оказалось так много, что никто не мог понять, как все они уместились в обычной повозке. Однако волшебник извлекал оттуда всё новые тома, и всё выше росли книжные башни, которые он сооружал. Горожане смотрели на это действие с удивлением и восторгом. И пусть им очень хотелось поторопить чародея, сделать это они не решались и потому терпеливо ждали.

Когда волшебнику предложили помощь в его деле, он вежливо, но твёрдо отказался, сославшись на то, что книги требуют крайне бережного к себе отношения. А на вопрос, зачем ему столько фолиантов, ответил, что ни один человек, будь он хоть трижды волшебник, не способен удержать в голове все знания до последней крупинки. Некоторым такой ответ пришёлся не по душе, и они тихонько перешёптывались, сомневаясь, что прибывший к ним чужеземец в самом деле волшебник, ведь, как они считали, настоящему магу не требуется то и дело заглядывать в книги. Большинство же горожан, услышав его слова, прониклись к нему лишь бóльшим уважением.

На Лету прибывший тоже произвёл огромное впечатление. Никогда ещё не доводилось ей видеть подобных людей. Правда, когда ей удалось разглядеть его получше, она была немало удивлена. Лете всегда представлялось, что мудрый

волшебник непременно должен быть седовласым стариком с длинной густой бородой, которую он оглаживает в часы раздумий, и что из-за преклонного возраста ходит он не иначе как опираясь на посох. Посох – затейливо украшенный витыми письменами и, судя по виду, немалого веса – у мага и в самом деле имелся, однако Лета недоумевала, зачем он ему, потому что чужеземец вовсе не был стар. И пусть висков его уже коснулась седина, доходившие до плеч волосы сохраняли глубокий каштановый цвет. Волшебник был высок и весьма крепок с виду, вышагивал уверенно и степенно, а в живых тёмно-синих глазах читались рассудительность и невозмутимость.

Кроме того, Лета была совершенно уверена, что любому настоящему волшебнику полагается носить высокую широкополую шляпу или расшитую звёздами мантию, а лучше всего – то и другое одновременно, и потому она в изумлении разглядывала одеяние мага, которое было почти ничем не примечательно. Одет он был просто и скромно, разве что облачение его было гораздо просторнее тех, что Лета привыкла видеть. Вместо широкополой шляпы голову его украшала повязка, по которой, как и по посоху, вились загадочные письмена. На мгновение Лете показалось, что они едва заметно светятся, и ей ужасно захотелось узнать, что именно гласят эти знаки, но подойти близко к волшебнику ей не удавалось – слишком уж много людей собралось вокруг него. Тот же, хоть и был вежлив со всеми, в конце концов уто-

мился от внимания к своей персоне и заявил: если его не оставят в покое, ему придётся возвратиться к себе на родину, потому что работать, когда вас обступили со всех сторон и не дают сделать и шагу, решительно невозможно.

Услышав это, горожане тотчас начали расходиться. Тут только Лете и представился случай заговорить с магом. Дверь в комнату гостя была открыта, и с величайшей осторожностью девочка заглянула внутрь. Пока она раздумывала, как начать разговор, волшебник, стоявший к ней спиной, заговорил сам:

– Вижу я, кое-кому любопытство не даёт покоя. Что ж...

Тут он обернулся, и синие глаза пристально и строго взглянули на Лету. Как же он узнал, что она здесь? Она была совершенно уверена, что двигалась очень тихо. Пока она раздумывала над этим, волшебник, словно прочитав её мысли, сказал:

– Один вопрос, девочка, только один. – Он предупреждающе поднял палец. – На долгие беседы времени нет. Что же ты хочешь знать? Спрашивай.

– Лента, что у вас на голове... – смущаясь, проговорила Лета, – для чего она?

– Разве тебе не встречались подобные вещи? – удивился маг. – Обычно такие носят, чтобы волосы не падали на лицо.

– Встречались, – сказала Лета. – Но ваша... она ведь особенная. Должна быть особенной, вы ведь волшебник!

На миг ей почудилось, что уголки губ чужеземца припод-

нялись. Однако лицо его тотчас вернуло себе строгое выражение.

– Ты смышлённая девочка, – сказал он. – Что ж, ты права. Это... – тут волшебник коснулся лба кончиком пальца, – не простая полоска ткани. Мой старый учитель, которого, увы, давно нет на свете, называл её последним средством. Тому, кто прибегнет к нему, не будет пути назад, и плата за это...

– Что же случится? – поспешно спросила Лета, которой хотелось узнать обо всём поскорее.

Волшебник нахмурился.

– Я ведь сказал: один вопрос, – напомнил он. – Когда хотят услышать ответ полностью, не прерывают говорящего. Теперь довольствуйся тем, что получила.

С этими словами волшебник, взяв стоявший у стены посох, направился к выходу, и Лета поспешила за ним. Оказавшись на улице, он остановился и добавил:

– Прими добрый совет, девочка: не будь такой нетерпеливой.

– Меня зовут Лета, – тихо проговорила та.

– Милое имя, – ответил на это волшебник. – Однако на твоём месте я не спешил бы сообщать его всем подряд, в особенности тем, кто сведущ в чародействе. А теперь прошу меня простить, время не ждёт.

Сказав так, он кивнул и зашагал прочь. Те горожане, что пошли с ним, в тревоге наблюдали, как он поднимается на холм. Отчего-то они решили, будто волшебник сможет ис-

целить деревья, не приближаясь к ним, и теперь, увидев, как близко чужеземец подошёл к роще, заволновались, однако препятствовать ему не стали. Впрочем, сами они по-прежнему опасались подниматься на холм и держались поодаль.

Волшебник же принялся тщательно осматривать деревья. Не спеша переходил он от одного к другому, пока не обошёл все до единого. У каждого он останавливался, прикасался длинными пальцами к гладкой коре с золотыми жилками и, прикрыв глаза, что-то шептал, затем прислушивался и вновь начинал бормотать. Наконец он вернулся и попросил горожан показать ему котёл, что был у их пленника, когда того схватили. Получив закопчённый сосуд, он внимательно осмотрел его.

– Ни капли не осталось, – с досадой пробормотал он. – Плохо, очень плохо...

И вновь он поднялся на холм, где пробыл почти до самого вечера, затем наконец спустился и решительно зашагал к городу. Наблюдавшие за ним горожане встревожились ещё больше. Никак не ожидали они подобного. Многие полагали, что стóит лишь волшебнику прочесть заклинание или взмахнуть посохом – и их любимые деревья исцелятся в тот же миг. Однако то, что предстало их глазам, вовсе не походило на волшебство.

Ещё больше взволновало горожан то, что чародей был заметно озадачен. На вопрос, удалось ли ему что-нибудь сделать, он ответил:

– Странное что-то творится с деревьями. Пока, увы, не могу я понять, что за болезнь поразила их.

Вслед за тем он попросил не донимать его расспросами и добавил, что ему необходимо заглянуть в свои книги. Там, уверил он, непременно отыщется ответ на эту загадку.

Возвратившись в город, волшебник велел его не беспокоить, закрылся у себя и не показывался два дня кряду. Наконец на третий день он вышел и уверенно направился к холму. Вновь принялся маг ходить между деревьями, что-то бормоча, а горожане в волнении ждали внизу.

Однако и на сей раз волшебник вернулся ни с чем. Нахмуренный, прошёл он мимо ожидавших его людей и, ко всеобщему огорчению, сообщил, что не может порадовать их доброй вестью. Теперь он не стал запирается у себя, не стал обращаться к старинным книгам, а велел горожанам отвести его к пленнику в башне.

К несчастью, как и многим до него, волшебнику не удалось услышать от Гиласа ни слова. Он нашёл пленника крепко спящим и, как ни старался разбудить его, усилия его ни к чему не привели. Вот уже несколько дней минуло, сказали волшебнику, как пленник погрузился в глубокий сон и с тех пор не пробуждался. И пришлось магу вернуться к своим книгам. Вновь и вновь поднимался он на холм, без устали бормотал заклинания, но всё было напрасно.

День следовал за днём, всё ближе подбиралась к городу холодная зима. И вот настало утро, когда горожане поняли:

совсем недалёк тот час, когда на землю упадёт первый снег. Все чудо-деревья разом сбросили листву, предвещая скорые морозы. Все до единого листья лежали теперь на земле, голые ветви качались на осеннем ветру – роща на холме готовилась погрузиться в зимний сон.

Лета, вместе с другими наблюдая, как деревья сбрасывают листья, услышала слова, которые впервые за долгое время вернули ей радость. Говорили, будто не всё ещё потеряно, и что зима, которая уже стоит на пороге, явилась очень вовремя. Поначалу Лета не понимала, в чём причина. Отчего все так радуются? Разве может зима прогнать болезнь? Но потом всё прояснилось: сами по себе холода, бесспорно, не исцелят чудо-деревья, однако, когда те заснут на зиму, укрытые тёплым одеялом из паутины, глубокий сон не даст поразившей их болезни стремительно разгореться, и у волшебника будет довольно времени, чтобы найти лекарство. К тому же, как известно, сон обладает целительной силой, а значит, деревья смогут бороться с недугом. Так говорили люди. Правда, никто из горожан не был всецело убеждён в том, что это и вправду поможет, однако волшебник был с ними согласен, и это укрепляло в сердцах надежду.

– Да, – сказал он, впервые улыбнувшись за то время, что гостил в городе, – зима может помочь нам. Время – это всё, что сейчас важно.

Он уверил горожан, что приложит все силы, чтобы вернуть деревьям прежнее здоровье. К тому же теперь он смо-

жет послать за другими книгами, что хранятся в его обширной библиотеке. В них, был уверен мудрец, непременно найдутся нужные сведения. Он немедленно написал письмо к себе на родину с просьбой как можно скорее выслать ему нужные книги, и гонец быстрее ветра умчался вдаль. Горожане же остались ждать следующего дня, когда на рассвете придут пауки.

И вот настало утро, и первые лучи солнца озарили горизонт. Рассвет разгорался, а вместе с ним и надежда в душах людей. В волнении смотрели они на север, откуда каждый год не спеша являлись большие чёрные пауки с серебристыми спинками. Горожане поёживались от утреннего холода, но столь велико было их желание увидеть тех, кто поможет им сберечь чудо-деревья, что расходиться по домам они и не думали.

Солнце поднималось над горизонтом всё выше, однако ни одного паука не было видно. И сколько ни ждали встревоженные горожане, сколько ни всматривались вдаль, их ожидало лишь разочарование. Впервые за всё время, что прекрасный город соседствовал с чудо-деревьями, пауки не явились к холму! Весь день напролёт, до самого заката, ждали люди, но напрасно, и горькое отчаяние охватило их.

Некогда весёлый город погрузился в чёрную тоску. Все оплакивали чудо-деревья, ведь некому было укрыть их от грядущего зимнего мороза. Отчего не явились пауки, никто не знал. Но что бы ни произошло, какова бы ни была причи-

на, люди с ужасом поняли: теперь погибнут не только заболевшие деревья, но вся роща... И не останется на свете ни единого чудо-дерева, что светилось и пело в лучах солнца.

Совсем недолго оставалось людям любоваться прекрасными растениями – а там выпадет снег, и зимние морозы безжалостно погубят деревья на холме. Ужасная картина замёрзших деревьев с безжизненно поникшими ветвями предстала перед мысленным взором горожан, и горькие слёзы лились из их глаз.

Волшебник же без устали искал средство, способное помочь деревьям. Хмурый и мрачный, он не отходил от них ни на минуту и одно за другим шептал заклинания. Ему удалось воздвигнуть над рощей магический купол, который не пускал внутрь холодный ветер, но долго поддерживать такую преграду он не мог – для этого пришлось бы ему всю зиму безотлучно пробывать на холме, творя заклинания, да и силы на подобное требовались небывалые. Однако чародей делал всё возможное в надежде, что пауки всё же вскоре появятся, и люди были благодарны ему, пусть и не верили уже в благополучный исход.

Лета тоже видела, как старается волшебник и как тщетны его усилия. Она смотрела на беззащитные ветви чудо-деревьев, и всё тяжелее становилось у неё на сердце. Никак не желала она смириться с тем, что придёт день, когда не увидит она больше чудесного сияния и не услышит переливчатого пения. Но что же могла сделать маленькая девочка, если

даже могущественному волшебнику не удавалось совладать с коварной болезнью? К кому ещё обратиться за помощью?

Не в силах больше смотреть на несчастные деревья, которым уготована была скорая гибель, Лета, не обращая внимания на кусачий ветер, принялась бродить по пустынным улицам. В задумчивости шла она, сама не зная куда. Она всё бродила по городу, не замечая ничего вокруг, и совершенно утратила счёт времени, как вдруг какая-то громада преградила ей путь. Лета оторвала взгляд от земли, и оцепенение, охватившее её, развеялось. Она поняла, что ноги принесли её к башне, где томился пленный Гилас. Как она очутилась здесь, Лета не помнила. Казалось, будто некая невидимая сила привела её сюда. Но зачем? Лета знала: Гилас не скажет ни слова, как бы она ни просила. И всё же, увидев башню, она почувствовала, как в душе её шевельнулось что-то едва уловимое и это что-то влекло её к Гиласу.

Лета немного помедлила, раздумывая, что бы это могло быть и стóит ли прислушиваться к едва различимому шёпоту. И тут она решилась. Следуя голосу сердца, который тянул её к башне, Лета снова отважилась поговорить с Гиласом. Она спустилась по лестнице и спросила стражника, что хранил ключи от подвала, можно ли ей увидеть пленника.

– Зачем это тебе, девочка? – удивился тот.

Лета задумалась, ведь она и сама толком не знала, зачем пришла и на что надеется.

– Я бы хотела просто взглянуть на него, – неуверенно ска-

зала она наконец.

Стражник посмотрел на неё долгим задумчивым взглядом, и Лета уже было решила, что увидеть Гиласа ей не позволят. Что ж, придётся идти к окошку и опять вглядываться в темноту. Но тут, к её удивлению, стражник вздохнул и проговорил:

– Знаешь, ещё недавно я не позволил бы ребёнку зайти туда, но теперь... Пожалуй, он не сможет причинить тебе вреда.

Он снова вздохнул, и Лета вдруг испугалась: уж не случилось ли с Гиласом что-то дурное?

– А что с ним? – чуть слышно спросила она.

Её воображение уже нарисовало мрачную картину, от которой Лета ощутила страх и вину. Может ли статься, что Гилас погиб, томясь в башне? И хотя она знала, что пленник, сидящий в подвале, вполне заслужил, чтобы его туда посадили, гибели ему она вовсе не желала. «А может, это был вовсе не он?» – пронеслось в голове Леты, и сердце её испуганно забилося. Что, если она обвинила Гиласа несправедливо? Её мучили сомнения. Так была ли она права или ошиблась? Как же узнать? Поглощённая этими мыслями, Лета не сразу поняла, что стражник говорит с ней.

– ...и с тех пор он спит, – услышала она обрывок фразы. – А потому, раз тебе так хочется взглянуть на пленника, думаю, ничего дурного не будет.

Стражник зазвенел ключами и, открыв перед девочкой

дверь, вручил ей фонарь с зажжённой внутри свечкой.

– Я не стану закрывать дверь, – добавил он, – но ты всё же не задерживайся.

Лета кивнула и переступила порог. Она без труда отыскала Гиласа – тот лежал на полу в дальнем углу, свернувшись клубочком, словно забившийся в нору маленький зверёк. Лета опустилась на пол рядом с ним и присмотрелась – Гилас исхудал и осунулся. Девочка вздрогнула: неужели горожане морили его голодом? Нет, не может быть! Здешние люди никогда не отличались жестокостью. Кажется, стражник сказал, будто Гилас давно отказывается от пищи. Или ей только почудилось? Ведь она толком не слушала, что ей говорили. Однако неподалеку стоял поднос, полный нетронутой еды – значит, Гилас и вправду сам не желал есть. Эта мысль и успокоила Лету, и взволновала её. Она вновь ощутила, как чувство вины кольнуло её в самое сердце. Отчего же Гилас не ест? Неужели он ни в чём не виноват, и она обрекла его на незаслуженные муки? На глаза Леты навернулись слёзы. Она осторожно тронула Гиласа за худенькое плечо и чуть слышно произнесла его имя. Тот не отозвался. Лета позвала громче и снова не получила ответа – пленник спал слишком крепко.

И тут в отчаянии принялась она рассказывать Гиласу, что случилось с деревьями, как понапрасну бьётся волшебник в попытках спасти их от неминуемой гибели, которую принесут с собой настоящие морозы. Она говорила, в какой печас-

ли живёт их прекрасный город и что скоро печаль эта станет лишь глубже. Говорила, что не будет в их краях прежней радости, когда чудесные деревья погибнут. Слова беспрерывно лились из неё вместе со жгучими слезами, и казалось Лете, что этому не будет конца.

Но вот она замолчала, потому что излила своё горе, и не осталось у неё больше сил плакать. Со вздохом поднялась она, чтобы уйти, как вдруг увидела, что Гилас шевельнулся. Её лесной друг не проснулся, увы. Глубокий сон не выпустил его из своего плена, но Лета услышала слабый голос. Хриплым и чуть слышным был он, но она разобрала два слова.

– Лиловые лепестки... – пробормотал Гилас сквозь сон. – Лиловые лепестки...

Потом он замолчал, и Лета, как ни прислушивалась, не услышала больше ни звука.

Глава 10

Лета возвращалась домой, не зная, что и думать. Что значат эти загадочные слова? Вправду ли Гилас услышал, как она взывала к нему, и ответил сквозь сон, или это была случайность? Быть может, ей и вовсе всё почудилось, и Гилас ничего не говорил? Всю дорогу она обдумывала произошедшее и спрашивала себя, не сыграло ли с ней воображение недобрую шутку.

Не сомневалась Лета только в одном: она должна немедленно рассказать обо всём маме. Кто знает, может, та поймёт, что всё это означает. А потому она отправилась прямо-

ком к ней и поведала, как невзначай оказалась у башни, как захотелось ей увидеть Гиласа, как долго она звала его и не получала ответа, и как с губ его наконец сорвались два таинственных слова. Со всем вниманием мама выслушала её и, немного поразмыслив, сказала:

– Да, весьма странные слова. Ума не приложу, что они могут значить. Уверена ли ты, милая, что всё верно расслышала?

Лета покачала головой.

– Выходит, ты думаешь, что ошиблась, и наш пленник вообще не хотел губить деревья? – спросила мама.

Этого Лета тоже не знала, хотя в душе отчаянно надеялась, что Гилас и вправду неповинен в злодеянии и что услышанные ею слова вовсе не случайны.

Тогда мама вздохнула.

– Что ж, это не много, совсем не много. Но ведь вчера у нас и того не было, потому давай-ка подумаем, как это может помочь нашей беде. Быть может, нужно отыскать лекарственное растение с лиловыми лепестками, и оно излечит деревья? – Мама задумалась на несколько мгновений и добавила: – Однако я не могу припомнить ни одного подходящего с такими свойствами. К тому же скоро зима. Где же мы найдём цветы в такое время?

Лета с грустью взглянула в окно, за которым сердитый ветер колыхал ветви деревьев, и впервые в жизни ей захотелось, чтобы зима никогда не приходила, чтобы и осень нико-

гда больше не являлась в их город. Вот бы в их краях вечно царили весна и лето! Тогда удалось бы найти тот самый цветок, что может спасти чудесные деревья. Теперь же, обыщи хоть всю округу, отыщешь только сухие прутики и тростинки.

И тут Лета вспомнила: ведь у неё в комнате, среди множества прочих вещей, лежит давно позабытый гербарий, заполненный разнообразными листьями и цветами! Девочка заволновалась. Конечно, в её альбоме может и не оказаться нужного цветка – она уж и позабыла, какие растения собирала всё лето, – однако нельзя упускать ни единой, даже самой малой возможности! Не сказав ни слова, она вскочила на ноги и бросилась к себе. С громко бьющимся сердцем схватила она пухлый альбом и поспешила обратно.

– Вот, – сказала она, протягивая маме свою забытую драгоценность. – Может быть, здесь найдётся то, что нужно?

Мамино лицо осветилось улыбкой, которая, впрочем, быстро угасла.

– Доченька, – сказала она, листая страницы, – мне так хотелось бы, чтобы в твоём чудесном альбоме нашлись те самые лепестки. – Мама посмотрела на Лету с сочувствием и, вздохнув, продолжила: – Но, увы, я не вижу здесь ничего подобного. Смотри... – Она развернула альбом на середине. – Есть одно растение... Его лепестки можно назвать лиловыми, однако никакими целебными свойствами оно не славится. Вдобавок, даже окажись этот цветок тем самым, мы не

смогли бы приготовить из него целебный отвар. На это потребовалось бы куда больше, чем одна-единственная травинка.

Увидев, что Лета опять сникла, мама поспешила добавить:

– Однако мы не станем сдаваться так быстро. Если я ничего не могу придумать, обратимся к тому, кто сможет. Одевайся-ка потеплее, не будем терять время.

Захватив с собой альбом, они отправились к волшебнику, который, невзирая на холод, в раздумьях сидел на холме. Вокруг холма то появлялся, то исчезал чуть заметный переливчатый купол, которым волшебник пытался укрыть рощу. Он то бормотал заклинания, то замолкал и вновь погружался в напряжённые думы. Видно было, что маг чрезвычайно устал. Он был мрачен, и нездоровые тени залегли под его потускневшими глазами.

Лету и её маму встретил он неприветливо и тем не менее выслушал всё, что они пришли ему сказать. Он окинул альбом безрадостным взором и, покачав головой, произнёс:

– Твоя мама права, Лета. У этой травы нет никаких особых целебных свойств. А то, что ты услышала из уст пленника, едва ли стоит принимать всерьёз. В бреду он мог сказать что угодно. Быть может, ему попросту привиделись цветущие чудо-деревья, ведь лепестки у них тоже лиловые. Отчего ты решила, будто эти слова были ответом тебе?

– Я не знаю этого, господин волшебник, – ответила Лета,

едва сдерживая слёзы.

– Потому мы и пришли к вам, – добавила мама, обнимая дочку. – Вам ведомо несравнимо больше, чем любому в нашем городе. Но, быть может, что-то ускользнуло от вашего внимания? Возможно, у вас найдутся редкие травы из дальних земель?

Поразмыслив, волшебник снова покачал головой.

– Будь у меня нечто подобное, госпожа, – сказал он, – я бы вспомнил. Уверяю вас, мне неизвестно ни одного растения с лиловыми лепестками, что могло бы помочь нам. К тому же, прежде чем применять лекарство, неплохо бы для начала понять, с каким недугом мы боремся. Я же этого не знаю. А теперь прошу меня простить. – Волшебник степенно склонил голову. – Я должен опробовать ещё несколько заклинаний до наступления вечера, а затем набраться сил для следующего дня. Признаться, я очень устал.

Но едва чародей собрался вернуться к своему занятию, как Лета, неожиданно для самой себя, воскликнула:

– И вы даже не попытаетесь помочь нам? Вы, могущественный волшебник, отказываете тем, кто обращается к вам за помощью! Без вас нам нипочём не отыскать это растение!

На это волшебник обернулся и спокойно промолвил:

– Не будь я так изнурён, я рассердился бы на тебя за такую дерзость. Однако у меня нет сил для гнева. И потому я повторяю то, что уже сказал: я помог бы вам, если бы думал, что имеется хотя бы слабая тень возможности отыскать ли-

ловые лепестки, хоть я и уверен, что эти слова пленник проговорил в бреду. И я повторяю тебе вновь: мне неизвестно ни единого растения, которое...

Внезапно волшебник умолк, не договорив. Слова его повисли в воздухе и растаяли, как утренний туман на солнце. Он застыл, словно статуя, а взгляд его вдруг преобразился: чародей по-прежнему смотрел на Лету, но не видел её. Девочке показалось, будто она сделана из стекла и ясные синие глаза смотрят сквозь неё.

– Ни единого растения... – повторил волшебник.

Лета с мамой заворожённо смотрели на него. Перемена в нём была поразительна, и они ждали, что будет дальше. Узнать, о чём думает волшебник, они не могли, однако одно было ясно: он что-то понял, пусть и сам до поры не вполне сознавал, что именно. И они затаив дыхание ожидали, когда он поделится своей мыслью. Однако маг не спешил.

– Ни единого растения... – только и твердил он, словно перебирая воспоминания и вызывая в памяти нечто давно позабытое.

– Вы что-то вспомнили, господин волшебник? – осторожно спросила мама, когда тот перестал бормотать.

– Не уверен, – ответил чародей, – но, вероятно, так и есть. Должен признать, мне вовсе бы того не хотелось, однако... если это так... Но возможно ли?

Лета с удивлением взглянула на маму, но та лишь пожала плечами.

– Да, определённо, – тем временем продолжал волшебник, – совершенно определённо. – Тут во взгляде его словно вспыхнул огонь, и маг твёрдо и уверенно заявил: – Нужно найти эти лиловые лепестки, и чем скорее, тем лучше!

Лета с мамой не представляли, где их искать, однако с готовностью закивали.

– Судя по всему, они должны быть неподалёку, – будто прочитав их мысли, сказал волшебник. – И если мы поможем друг другу, полагаю, отыскать их будет несложно.

С этими словами он взял посох, что стоял у дерева, произнёс несколько слов на ведомом лишь ему языке и добавил:

– Внимательно смотрите по сторонам и, если заметите что-то необычное, сразу скажите мне.

Затем он ударил посохом о землю, и тотчас по всей округе разлилось лёгкое мерцание. Оно охватило весь холм и большой луг, до самой речки. Воздух наполнился едва заметными глазу искорками, и Лета невольно подумала, что никогда ещё не доводилось ей видеть ничего подобного. Всё вокруг, казалось, осталось таким же, как прежде, и в то же время чудесным образом преобразилось. Залюбовавшись волшебством, Лета начисто позабыла, зачем она здесь и что ей следует делать.

– Не отвлекайся, – услышала она голос волшебника, который, прикрыв глаза и склонив голову, обеими руками сжимал посох. – Смотри во все глаза!

«И как он всё видит?» – подумала Лета, но волшебника,

который снова зашептал загадочные слова, послушала и принялась осматриваться.

Однако, как все они ни старались, ничего примечательного – если, конечно, не считать разлившегося повсюду волшебства, – им увидеть не удалось.

Наконец чародей перестал шептать заклинание и, тяжело вздохнув, проговорил:

– Увы, за то время, что я здесь, сил моих заметно поубавилось. Я должен немного отдохнуть.

Он тяжело прислонился к стволу чудо-дерева, и мама с тревогой спросила, могут ли они чем-нибудь помочь.

– Не думаю, – ответил волшебник, покачав головой, но потом, обернувшись к Лете, сказал: – Разве что ты выполнишь одну мою просьбу. Это мало поможет делу, и всё же лучше так, чем ничего.

– Я сделаю всё, что скажете! – с готовностью заявила Лета.

– Это совсем не сложно. – Волшебник улыбнулся. – Отправляйся в гостиницу и попроси хозяина пустить тебя в мою комнату. Скажи, что я послал тебя за одной важной вещью – думаю, он не станет чинить препятствий. Затем отыщи на полках маленькую бутылочку жёлтого стекла. Ты узнаешь её по выющим по горлышку письмам.

– Там что-то опасное? – с тревогой вмешалась мама.

– Весьма, – признал волшебник. – Однако вам не о чем волноваться. Никто, кроме меня, не сможет откупорить этот сосуд. – Снова обратившись к Лете, он добавил: – На пол-

ках есть и другие подобные сосуды, но этот особенный. Как только сожмёшь бутылочку в руке, жидкость в ней потемнеет. Найдёшь её – тотчас же возвращайся. Сделаешь?

– Я мигом! – воскликнула Лета и со всех ног бросилась вниз по холму.

Ей чудилось, будто сам ветер несёт её к городу, и она не заметила, как оказалась у гостиницы. Хозяин пустил её внутрь, едва услышал, что её прислал сам волшебник, и без особой надежды в голосе спросил, нашёл ли тот способ спасти деревья.

– Очень может быть, – ответила девочка, – но мне нужно торопиться.

– Конечно-конечно, разумеется, – поспешно сказал хозяин гостиницы, провожая Лету в комнату. – Не просил ли господин волшебник чего-нибудь ещё?

Лета покачала головой и поспешила к полкам, на которых ровными рядами расставлены были небольшие сосуды с таинственным содержимым. В девочке заговорило любопытство. Ей отчаянно захотелось заглянуть в каждую бутылочку – все они были так красивы и так манили к себе хранящейся в них загадкой! Но она помнила, что не за этим явилась сюда, и принялась искать то, о чём говорил чародей. Много времени ей не понадобилось. Едва она увидела бутылочку, как сразу поняла: вот то, что нужно! В подтверждение её догадки заключённая внутри жидкость потемнела, едва бутылочка оказалась у Леты в руках. Тогда она поспешила об-

ратно к роще и вскоре, тяжело дыша, протянула магу сосуд с зельем. Тот кивнул в знак благодарности и откупорил бутылочку. Тотчас письмена на горлышке задвигались, затем слились в одну тонкую линию и пропали.

– Попробуем ещё раз, – сказал волшебник и одним глотком выпил всё содержимое бутылочки. – Смотрите внимательно.

И снова ударил он посохом о землю. И снова воздух наполнился мерцанием, но на сей раз искорки стали куда ярче, а волшебный свет разлился дальше, добравшись до самого города. Лета и мама спустились с холма и, разойдясь, принялись обводить взглядом окрестности в надежде разглядеть что-нибудь необычное. Увы, ничего подобного глаза их не видели и теперь. Солнце тем временем неспешно клонилось к закату, и Лета невольно залюбовалась, как лучи его мерцают в водах речки, так и маня подойти поближе.

«Быть может, они где-то за рекой, – подумалось Лете, – и отсюда мне попросту ничего не видно?»

С этой мыслью она отошла от холма и решительно двинулась к городу. На мосту она остановилось и огляделась снова – ничего не изменилось. Лета напрягала зрение изо всех сил, однако так и не смогла заметить ничего особенного. Она вздохнула: неужели всё напрасно? Неужели чудесных деревьев не станет, и совсем скоро придёт время, когда не будет на холме ни одного прекрасного создания, радостно протягивающего к солнцу свои веточки?

Тут взгляд её скользнул по речной воде, поблёскивающей в лучах солнца.

– Ты очень красива, речка, – тихо сказала Лета, – но сиять как чудо-деревья всё же не умеешь.

И вдруг она замерла. Что это? Чудится ли ей, или на дне реки, укрытое прозрачными водами и вправду лежит то, что она отчаялась было уже отыскать?

Она не могла поверить собственным глазам и всё же боялась хоть на мгновение отвести взгляд, боялась, что сто́ит ей моргнуть – и видение исчезнет. Она склонилась к воде и присмотрелась. Могут ли эти два лиловых пятнышка быть теми самими лепестками? Теми самыми, о которых бормотал во сне Гилас? Лета потянулась было к ним – нет, самой их никак не достать! Тогда она закричала, и звонкий её голосок разнёсся в тишине по всему лугу:

– Я нашла их, нашла! Они здесь!

Услышав дочку, мама не мешкая поспешила к ней, а следом и волшебник, который, едва увидев лепестки в воде, покачал головой.

– Ну конечно, – сказал он. – О том, что они могут быть в воде, я и не подумал. Чары мои скользили по земле, а следовало было заглянуть чуть ниже.

– Это ведь те самые лепестки, господин волшебник? – в волнении спросила Лета.

– Думаю, да, – ответил маг. – Однако не могу сказать, что очень рад этому. Что ж, посмотрим...

С этими словами он вытянул перед собой руку и закрыл глаза. И всего спустя несколько мгновений Лета увидела, что лепестки, ещё совсем недавно лежавшие под водой, теперь покоятся на ладони волшебника.

И тут в её памяти словно вспыхнула яркая искра: она ведь однажды уже видела почти в точности такой же лепесток! Эти были такими же необычайно крупными, с таким же заострённым кончиком, и так же красиво переливались на солнце. Вот только тот лепесток был тонким и хрупким, эти же казались плотными, жёсткими и тяжёлыми.

– Какие странные, – тем временем произнесла мама, которая тоже разглядывала находку с немалым удивлением. – Никогда не видела ничего подобного. Но как же они оказались на дне реки? И где может расти столь причудливый цветок?

– Нигде, – ответил волшебник. – Ведь это вовсе не лепестки.

– А что же? – удивилась Лета.

– Чешуйки, – ответил волшебник. – И принадлежали они тому, кто повинен в болезни чудо-деревьев. Никогда не приходилось мне встречаться с этим созданием. Я лишь слышал о нём однажды от моего учителя, и было это очень давно. – Волшебник осмотрел находку ещё раз и продолжил: – Признаюсь, не хотелось бы мне и теперь встречаться с ним, хоть меня и одолевает любопытство. Однако иного выхода нет. Теперь, когда у меня в руках то, что принадлежало ему, я

смогу его призвать.

– Вам удастся одолеть его? – взволнованно спросила мама, прижимая к себе Лету.

Волшебник ответил не сразу.

– Мне не мешало бы восстановить силы, – наконец сказал он. – Однако, боюсь, время не ждёт. Мой отдых может стоить деревьям жизни. А теперь уходите! Возвращайтесь домой, да поскорей!

Лете, в которой вновь проснулось любопытство, до того захотелось взглянуть на невиданное создание, потерявшее такие красивые чешуйки, что она едва не принялась просить разрешения остаться. Однако она понимала, что ей ни за что такого не позволят, а потому промолчала и послушно отправилась вслед за мамой, когда та взяла её за руку и повела домой. Но не успели они преодолеть и половины пути до города, как земля под ними задрожала. Они остановились, и тотчас всё стихло.

– Что это, мамочка? – прошептала Лета.

– Не знаю, милая, – ответила та. – Думаю, нам нужно поспешить.

И, будто в подтверждение её слов, земля вновь содрогнулась, на сей раз ещё сильнее.

– Бежим скорее! – воскликнула мама, и они бросились к городу. По дороге Лета на мгновение обернулась и увидела волшебника – он стоял у подножия холма, а вокруг него бушевал ураган. Чародей простёр руки ввысь, творя заклина-

ние, а яростный ветер хлестал его, словно пытаюсь свалить с ног. Но волшебник твёрдо стоял на земле, подобный древнему дубу, что пережил на своём веку немало бурь и не сломался под их натиском.

Остановились мама и Лета, только когда достигли города. К той поре у окраины его собралось множество горожан: они почувствовали, как задрожала земля и, конечно, поспешили узнать, что происходит. Со страхом и изумлением смотрели они на разбушевавшуюся у холма стихию. Они видели, как магический вихрь свирепо взметает в воздух опавшие листья и выдёргивает из земли остатки бурой травы, и сердца горожан сжимались от ужаса.

Но вот ярость урагана стала утихать, и наконец вокруг вновь воцарилась тишина. Если бы не тысячи сухих листьев, которые лютый ветер разметал по лугу, можно было бы решить, будто ничего не произошло. Поражённые, смотрели люди на рощу, и столь велико было их потрясение, что никто не мог и пошевелиться. Все разом будто обратились в каменные изваяния, устремившие неподвижные взоры к холму. Несколько мгновений, которые показались им вечностью, в окрестностях города стояла полная тишина. Затем будто окаменевшие люди вздрогнули, и по собравшейся толпе прокатился возглас удивления и страха, потому что внезапно земля вновь задрожала, однако на сей раз то была не просто дрожь.

Сотням взглядов, обращённых к холму с обнажёнными

деревьями, предстало нечто до той поры невиданное. Земля у самого холма пошла глубокими трещинами, вздыбилась и разлетелась в стороны, будто хрупкое стекло, по которому кто-то очень сильный ударил тяжёлым молотом. А в следующий миг из-под земли вырвалось огромное неведомое создание.

Оно вытянулось почти до самых верхушек деревьев, поблёскивая в лучах заходящего солнца в точности такими же лиловыми чешуйками, что были найдены в речных водах. Вот только чешуек этих были многие тысячи – сплошным плотным покровом окутывали они могучее тело.

«Какая громадная змея!» – пронеслось в голове у Леты, которая, выглядывая из-за маминой спины, во все глаза смотрела на то, что творилось на лугу. И хотя сердце её, как и у других, колотилось от ужаса, она не могла отвести взгляд от развернувшейся перед ней картины. Должно быть, это самая большая змея из всех, что когда-либо видел мир! Лета с восхищением подумала, что другие змеи и в подмётки не годятся этому ужасающему, но, несомненно, великолепному существу, которое даже издалека повергало всех в трепет. Что же будет, окажись человек прямо перед ним? И всё-таки узнавать это самой Лете не хотелось. Ни один горожанин, даже самый смелый и отчаянный, не сделал бы сейчас и шагу навстречу лиловому исполину. Единственным, кому пришлось столкнуться с ним лицом к лицу, был волшебник, который, призвав на помощь всю свою храбрость, стоял те-

перь между холмом и чудовищем, что явилось на его зов. Сияющие, словно два маленьких солнца, золотисто-жёлтые глаза окинули мага презрительным взглядом, и над землёй разнёсся глубокий голос.

– Как смеешь ты призывать меня? – медленно произнесло чудовище, и каждое его слово несло в себе угрозу.

Волшебник увидел огромные и острые, словно пики, клыки чудовища, и всё внутри него похолодело. Однако ничем не выдал он своего страха. Он смотрел прямо в глаза-солнца и лишь сильнее сжимал посох в руке, собираясь с силами – призыв лилового создания изрядно ослабил чародея.

– Кто ты такой? – спросил тем временем его грозный противник, покачиваясь из стороны в сторону. – Отвечай мне, жалкий человек!

Но ни слова не проронил волшебник.

– Что же ты молчишь? – прошипело чудовище. – Ты настолько глуп, что уверен, будто можешь противостоять мне, или же сознаёшь, что не соперник мне и потому онемел от ужаса?

– Ни то, ни другое, – наконец сказал волшебник. – Я размышлял, стоишь ли ты ответа.

Чудовище сощурило огромные глаза и будто стало ещё выше.

– Ты смеешь дерзить мне, Великому Змею?! – пророкотал голос словно из самых глубин земли. – Впрочем, это не имеет значения. Даже тончайшая лесть не поможет тебе. –

Змеиное тело всё больше вытягивалось наружу, складываясь в кольца, а его обладатель продолжал: – Однако, признаюсь, мне было бы любопытно узнать, к какому выводу ты пришёл, прежде чем оборвать твою жалкую жизнь. Многие годы не доводилось мне ни с кем говорить. И пусть я не вижу перед собой достойных собеседников, придётся довольствоваться тем, что есть... Так стою ли я того, чтобы узнать, кто ты такой и как посмел призвать меня?

– Нет, не стоишь, – ответил волшебник. – Будь ты и вправду великим, то не стал бы величать себя таковым. Называть своего имени я не стану, однако зачем призвал тебя, скажу, изволь. Ты губишь прекрасные деревья, что растут на этом холме, и я намерен помешать тебе. Довольно! Отныне ты не навредишь ни одному из них. И будет лучше, если ты уйдёшь из этих мест сам, по доброй воле.

Пока он говорил, лиловый змей полностью выбрался из-под земли и медленно заскользил вокруг холма, но волшебник неусыпно следил за каждым его движением и двигался сам, не подпуская змея к деревьям. На конце его посоха зажёгся едва заметный огонёк.

– Вижу, ты возомнил себя чародеем, человек, – проговорил змей. Тело его извивалось среди опавших листьев, и тихий шорох наводил на мага дрему. Немалой силы воли стоило тому не погрузиться в сон. А змей, не отрывая взгляда от своего противника, шипел: – Полагаешь, тебе достанет сил сразиться со мной?

– Я не хотел бы этого, – признал волшебник. – Повторяю: тебе лучше уступить добровольно.

– Значит, ты всего лишь жалкий фокусник! – бросил змей, и в глазах его мелькнула тень. – Твоих трюков хватит разве что на глупых детишек на ярмарке. Со мной тебе тягаться не по силам, и ты прекрасно знаешь об этом. Я разделаюсь с тобой в мгновение ока.

– Отчего же ты ходишь вокруг да около? – спросил маг. – Отчего не нападёшь?

– Оттого, что любопытно, на сколько хватит твоего самообладания, – ответил змей. – Однако...

Вдруг слова змея оборвались и он, раскрыв огромную пасть, бросился на волшебника. Однако тот, невзирая на одолевавшую его дремоту, не утратил бдительности. Столь же стремительно ударил он посохом о землю, и между ним и змеем воздвигся магический щит, который принял на себя удар острых клыков.

Змей злобно зашипел, метнулся обратно и тотчас снова ринулся в атаку, но снова столкнулся с преградой. В третий раз напал змей на волшебника с удвоенными яростью и силой и вновь был отброшен – теперь маг укрыл себя и весь холм сияющим куполом. Змей быстро заскользил вокруг холма, то и дело испытывая купол на прочность – защита была крепка и не поддавалась.

– Что ж, неплохо для ярмарочного фокусника, – насмешливо произнёс змей. – Однако, сдаётся мне, на большее ты не

способен. Сомневаюсь, что ты сможешь укрыть весь город.

С этими словами он устремился прочь от холма, прямо к окаменевшим от ужаса людям. Некоторые из них сумели преодолеть морок и бросились врассыпную, другие же так и остались стоять неподвижно, невзирая на смертельную опасность, что неслась прямо на них. Но даже самые крепкие стены не уберегли бы их от змея – слишком велик и силён был их враг. И кто знает, что случилось бы с прекрасным городом, если бы громадный змей добрался до него. Чудовище было уже на полпути к своей цели, как вдруг, злобно зашипев, остановилось и обернулось – сильное заклинание ударило в него. И пусть магия почти не причинила змею вреда, губителю деревьев это не понравилось. Он свернул гибкое тело кольцами и бросил на дерзкого чародея полный гнева взгляд. Помедлив немного, он с усмешкой сказал:

– Твоё время тоже придёт, презренный фокусник, но позже.

Произнеся угрозу, змей вновь бросился было к городу. Однако, не успел он расправить последнее кольцо, как его настигло второе заклинание. Прочной броне змея оно было нипочём, и всё же чудовище содрогнулось – в толстую шкуру его будто воткнулись тысячи маленьких, но острых иголок. На сей раз волшебник не стал ждать, и на змея тотчас обрушилось третье заклятие. Было оно самым мощным из всех – маг вложил в него почти все силы, что смог отыскать в себе. И пусть сразить столь грозного противника он всё же

не смог, теперь в сияющих золотом глазах мелькнуло беспокойство. С удивлением чудовище увидело, что магия сорвала с него лиловую чешуйку – одну-единственную, однако в броне его появилась брешь.

Лишь чудом удалось бы волшебнику поразить заклинанием столь крошечное уязвимое место на теле противника, змей понимал это. И всё же его уверенность в своей неуязвимости пошатнулась, и змей не стал испытывать судьбу и проверять, насколько метким может быть маг. Он сорвался с места и, подобно ревущему урагану, налетел на волшебника. И худо пришлось бы тому, не успеет он вновь укрыть себя и деревья защитным куполом. Но столь велика была ярость змея, столько силы и злобы вложил он в свою атаку, что магический покров задрожал.

Увидев это, змей, торжествуя, немедленно бросился на мага вновь. Защитник деревьев, силы которого стремительно убывали, пошатнулся, и сверкающий купол исчез. Сам волшебник успел увернуться, однако острые клыки лилового змея вонзились в одно из чудо-деревьев.

Несчастное растение безмолвно приняло на себя чудовищный удар – лишь из ран его, словно слёзы, заструился прозрачный сок. Деревце содрогнулось от корней до верхушки, а ветки его затрепетали. Вместе с ним задрожали и все его братья. Им не дано было, подобно людям, кричать и плакать, однако волшебник и без того всем сердцем ощутил, сколь велики боль и скорбь этих безмолвных созданий. Жа-

лость охватила мага, но что мог он сделать, как помочь? Силы его были на исходе, с большим трудом волшебник держался на ногах. Он понимал, что, даже если удастся ему ещё раз укрыть деревья куполом, змей с лёгкостью разрушит его. Да и будь волшебный покров достаточно крепок, чародей не мог бы всю жизнь провести на холме, оберегая деревья. В отчаянии искал он спасения, перебирая в уме заклинания, но напрасно. «Светозарным» прозвали мага на родине за чудеса, что он творил, и теперь лишь чудо могло спасти его самого.

Тяжело дыша, прижался он спиной к дереву. Он видел, как чудовищные клыки его врага крушат кору, как с них капает сок, как огромная голова поворачивается в его сторону. Он видел ледяную ярость в золотых глазах и собирал последние крохи сил, чтобы с честью встретить неминуемый конец.

Змеиные глаза ликующе вспыхнули. Неумолимая смертоносная сила надвигалась на волшебника. Сердце его словно сковал мороз, а слух затопило шипение, к которому примешивался странный шёпот. Поначалу невнятный и едва уловимый, лишь за несколько мгновений он окреп, и чародей различил то, что шептал неведомый голос.

«Авреблус... Авреолус...» – вновь и вновь повторял некто, растягивая это единственное слово, будто силясь надёжно закрепить его в памяти. Измученный волшебник не мог понять, чудится ему этот голос или нет. И если это не собственный разум обманывает его, кто же шепчет? Ведь ря-

дом не было никого, кроме лилового чудовища, что медленно, но неуклонно двигалось в магу, неся с собой боль и гибель.

«Я лишился рассудка», – с горечью подумал волшебник. Он чувствовал только холодный ужас, охвативший его с головы до ног. И лишь спину согревала гладкая кора чудо-дерева – последний тлеющий огонёк, ничтожно слабый источник тепла, которому не по силам разогнать всемогущий холод. Однако, сколь ни мал был этот огонёк, обречённый волшебник почти неосознанно благодарил судьбу за то, что в последние мгновения своей жизни не был одинок. Пусть безмолвное и почти неподвижное, но оттого не менее прекрасное живое существо было с ним рядом и вместе с ним смотрело в лицо неминуемой гибели.

«Несчастное создание, – подумал волшебник. – Скоро и ты погибнешь от острых клыков чудовища».

Тёмная, как ночь, горечь охватила его сердце. Волшебник провёл рукой по гладкой тёплой коре и вдруг замер. Внезапная догадка ошеломила его.

– Это ведь ты! – воскликнул он. – Невероятно, невысказанно, невозможно! Но это ты!

Надвигающийся на мага змей тоже застыл от неожиданности. Всего пару мгновений в растерянности взирал он на своего противника, но потом, злобно зашипев, сорвался с места и бросился на него.

Промедли волшебник один-единственный миг, и острые

клыки впились бы в него. Одним стремительным движением руки сорвал он со лба испещрённую письменами повязку и взмахнул ею перед собой, начертав в воздухе сложный знак.

– Авреолус! – воскликнул волшебник.

Письмена на повязке вспыхнули, а в следующий миг воздух вокруг холма задрожал, земля загудела, и руку волшебника охватило яркое пламя. Пылающая лента вырвалась из пальцев хозяина, взвилась ввысь и, закрутившись огненным кольцом, взорвалась тысячью искр перед раскрытой пастью змея. В тот же миг чудовище отпрянуло, словно натолкнулось на невидимую стену. Будто сияясь избавиться от наваждения, змей тряхнул головой.

Волшебник же, глядя прямо в глаза своему противнику, проговорил:

– Велю тебе повиноваться, ибо мне известно твоё имя, Авреолус!

Лиловый змей зашипел, оскалил клыки и уставился на мага горящими ненавистью и злобой глазами.

– Велю тебе повиноваться! – повторил волшебник. – Замри и внимай мне!

Покрепче опершись на посох, он склонил голову к груди и зашептал заклинание на древнем языке, слов которого мир не слышал уже очень давно. Волшебная лента придала сил своему владельцу и всё же не могла вернуть прежние мощь и могущество. Вновь и вновь твердил волшебник магическую формулу, вкладывая в неё всю свою волю, однако чересчур

велики были усталость и слабость, завладевшие им, чтобы заклинание подействовало в полную силу.

Чудовище, повинувшись приказу, бессильно взирало на чародея и не двигалось с места, но ярость его лишь росла и рано или поздно грозила разорвать оковы. Свившись в тугие кольца на склоне холма, змей терпеливо ждал, когда силы волшебника иссякнут. Вот тогда ядовитой стрелой бросится он на своего врага!

И тут змей услышал нечто новое. К монотонному бормотанию волшебника, который по-прежнему стоял перед ним, не поднимая головы, добавилась тихая мелодия. Это запели деревья! Слова и музыка, поначалу несхожие и звучащие вразнобой, понемногу стали принаравливаться друг к другу. Всё крепче сплетались они между собой, всё сильнее становилась их связь, пока наконец не слились они в единое целое – в прекрасную зачарованную песню, заструившуюся по склонам холма.

Незримой пеленой окутывала она лилового змея, и немало труда стоило тому противиться её силе. Злобный блеск в глазах чудовища померк, веки отяжелели. Подпитывая силы яростью, змей пытался разогнать сонный туман, что медленно, но верно проникал в его разум. Сплетённое кольцами мощное тело чудовища слабело, огромная голова склонялась всё ниже. Громадным усилием воли вскинул змей голову и обжёг взглядом ненавистного врага, который теперь смотрел прямо ему в глаза. В каштановые волосы волшебника впле-

лась новая седина, а виски сделались совершенно белыми. Глаза его потускнели от усталости, а едва заметные до того морщины стали глубже. Однако голос мага окреп: всё громче и уверенней звучал он, всё мощнее делались чары песни, которую он пел.

А в следующий миг всё вокруг словно вскипело! Сотни голосов подхватили песню – это горожане, что прежде стояли, окаменев от ужаса, сбросили с себя морок и поспешили на помощь волшебнику. Плотным кольцом окружили они холм, где шёл неравный бой, и хор голосов мужчин, женщин и детей хлынул неукротимым потоком.

И пусть люди эти не владели волшебством, сила их духа придала зачарованной песне небывалую мощь. Опавшие с чудо-деревьев листья взметнулись в воздух и вихрем закружились вокруг холма, будто подхваченные неистовым ветром. А ветви, что они прежде украшали, закачались в такт мелодии, которую пели чудесные создания.

Люди и растения, слова и мелодия слились воедино, став силой, противостоять которой лиловый змей уже не мог. Бушевавшая в нём ярость утихла, золотые глаза закрылись, и чудовище опустило огромную голову к ногам волшебника. А вслед за ним вернулись на землю и листья. Не стало волшебного ветра, замолчали голоса, затихла мелодия, и всё вокруг погрузилось в тишину. Лишь несколько тихих слов донеслись напоследок до слуха змея. Охваченный дрёмой, заскользил он вниз по холму. Только шорох листьев нарушал

тишину, но змей не слышал его.

Медленно добрался он до отверстия в земле и скрылся в нём. Лучи заходящего солнца блеснули на лиловых чешуйках змеиного хвоста, и это было последнее, что в тот день увидел волшебник. Силы окончательно покинули его. Руки, сжимавшие посох, разжались, колени подогнулись, и маг погрузился во тьму.

Глава 11

Как только побеждённый змей скрылся под землёй, люди поспешили к волшебнику. Бережно подняли они его с земли и отнесли в город, в дом на самой окраине. Увы, никто не знал, как помочь ему, и даже старый лекарь, который, как говорили, способен вылечить любую болезнь и исцелить любую рану, оказался бессилён. Он сокрушённо покачал головой и сказал, что не может вылечить неизвестное. Обессиленный волшебник был неподвижен и холоден. Лишь едва уловимое дыхание говорило о том, что жизнь ещё не покинула его.

– Недуг его, вероятно, магического свойства, – проговорил старец, вновь коснувшись рукой лба волшебника. – А там, где царит магия, мне не место. В её владениях я слеп, глух и невежественен. Увы, у нас нет ничего, кроме надежды.

Напоследок лекарь, заглянув в небольшой мешочек, извлёк оттуда связку трав и поднёс её к зажжённой свече – из хрупких веточек потянулась тонкая струйка дыма.

– Слабое средство, очень слабое, – сказал он, – однако это

всё, что я могу.

И теперь, оставшись вдвоём, Лета с мамой ждали. Ждали, прислушиваясь к дыханию мага, то и дело поднося травы к пламени свечи, когда те угасали. И тогда комната вновь наполнялась сладковатым ароматом.

Лете казалось, что время замедлило ход: лениво и неторопливо сменяли друг друга минуты. Ночь тянулась и тянулась, словно густая патока, без конца и края. Она обволакивала девочку, манила куда-то вдаль, размывала всё вокруг, гасила свет... И вот, когда веки Леты сделались тяжёлыми, и последняя искра света угасла, что-то изменилось. Она вздрогнула и открыла глаза.

За окном поднималось солнце, а перед ней стоял волшебник. Он был по-прежнему бледен, но в глазах его светилась жизнь.

– Посмотри-ка в окно, – с улыбкой сказал он.

В холодном сером свете нового дня Лета увидела, что у холма собрались люди. Как и прежде, они держались чуть поодаль и за чем-то наблюдали. Не сразу Лета поняла, что привело их туда, а поняв, ахнула.

– Неужели?! – воскликнула она, и сердце её затрепетало от радости.

– Да, – услышала она голос мамы, – они вернулись.

Из дома Лета не могла разглядеть их, но знала, что сейчас по стволам чудесных деревьев снуют угольно-чёрные с серебристыми спинками пауки, знала, что они вновь без уста-

ли плетут прочную паутину, и знала, что отныне мороз деревьям не грозит.

– Отчего же они не пришли раньше? – спросила она волшебника. – Боялись змея?

– Не уверен, – ответил тот, – но думаю, именно так и есть. Я слышал, пауки дрожат от ужаса при виде самой малой, безобидной змейки. А уж такое чудище они чуют за версту. – Волшебник глубоко вздохнул и добавил: – Однако не забыли ли мы кое о ком?

И сердце Леты замерло.

Они спешили как могли. Волшебник был ещё слаб и прихрамывал, тяжело опираясь на посох, а потому, как ни старался, шёл медленно. Не раз он останавливался, что-то сердито бормотал и двигался дальше.

К тому времени, как они добрались до башни с часами, там собралось немало горожан и были они растеряны и печальны. Заметив мага, люди расступились, и Лета увидела Гиласа. А может, ей только показалось? То, что вынесли из подвала, походило больше на скульптуру, чем на живое существо. Знакомые черты застыли, будто вырезанные из камня. Лете захотелось протянуть руку, коснуться своего лесного друга, как будто стбит ей до него дотронуться, как Гилас оживёт. Но она и сама словно окаменела.

– Посмотрим, – словно издалека донёсся до её слуха голос волшебника.

Он склонился над Гиласом и прикрыл глаза, будто о чём-то размышлял. Затем он потёр друг о друга ладони, повернул голову, будто прислушиваясь, прошептал несколько слов и наконец, глубоко вздохнув, открыл глаза.

– Всё забрал, ничего не оставил, – проговорил он и, поднявшись, добавил: – Остаётся одно... Несите его за мной.

В сопровождении горожан волшебник двинулся обратно, к окраине города, добрался до луга, пересёк мост через речку, прошёл мимо рощицы, где трудились пауки и, достигнув кромки леса, остановился. Здесь он обернулся и обратился к Лете.

– Помнишь ли ты, где впервые встретила его? – спросил он.

Девочка в растерянности осмотрелась. Она шла за магом как во сне, не замечая ничего вокруг, и лишь теперь, оказавшись у леса, словно проснулась. В глазах её вдруг защипало, а губы задрожали.

– Ну-ну, – мягко проговорил волшебник, – не время для слёз. Нам нужна твоя помощь. Ты помнишь то место?

Лета всхлипнула и кивнула.

– Хорошо, – сказал волшебник, – тогда веди.

И люди углубились в лес. Лета уверенно шла знакомым путём, и с каждым шагом на сердце у неё становилось легче. А к тому времени, как она увидела перед собой то самое упавшее дерево, слёзы её совершенно высохли. Лета остановилась.

– Пришли, – сказала она.

Волшебник осмотрелся, прислушался и кивнул. Вокруг царила тишина, будто весь лес уснул или затаил дыхание, чего-то ожидая.

– Теперь идите по домам, – велел волшебник. – Больше ничего нельзя сделать, остаётся только ждать.

Оставив Гиласа с ним, горожане отправились обратно. Лета хотела было упросить мага позволить ей не уходить, но не решилась, да и холод гнал её из леса. Она шла, прижимаясь к маме, и ей хотелось поскорее оказаться дома, у огня. Лета будто раздвоилась: одна её часть тянулась к дому, а другая стремилась обратно, в сердце леса. И в следующее мгновение Лета не выдержала и оглянулась. Ничего не изменилось – лес по-прежнему хранил молчание, и лишь где-то вдали, между деревьями, вдруг вспыхнул зелёный огонёк. Крохотная искорка мигнула и тотчас пропала.

Волшебник вернулся, когда город уже окутала темнота. Он был бледен, но улыбался, и бросившиеся ему навстречу Лета с мамой тотчас всё поняли: Гилас спасён!

– Мы так благодарны вам, – сказала мама, когда все трое после ужина сидели у очага. – Вы спасли наши прекрасные деревья, всех нас, а теперь и того, кого мы чуть было не погубили!

На это волшебник покачал головой.

– Не я спас его, – сказал он. – Жизнь ему вернул лес. Он

создан для жизни среди деревьев. Долгая разлука с ними губительна для него. Они – его друзья, его семья. В заботе о них – смысл его существования. Без них не станет и его, но пока они рядом, он вечен.

– Подумать только, – промолвила мама. – Всё это время рядом с нами жило столь удивительное существо, а мы и не догадывались. Кто знает, чего ещё мы не замечаем...

– Быть может, оно и к лучшему, – сказал волшебник. – Мир меняется. Меняется слишком быстро для таких созданий, как Гилас или чудо-деревья. Их мало, а природа их такова, что им не поспеть за переменами, а потому лучше им быть незаметными, затаиться в тени. Как знать, быть может, настанет время, когда они снова смогут выйти на свет.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила мама. – Ведь змей ушёл, и им ничто не угрожает.

– Есть ещё люди, – ответил волшебник.

– Но мы никогда не причиняли деревьям вреда! – вдруг воскликнула Лета.

– Намеренно – нет, – сказал волшебник. – Губительна не только злая воля. Порой не меньший вред причиняют зависть, жадность или даже... невежество.

Лета не нашлась, что на это ответить и смущённо опустила глаза, ведь она сама едва не погубила собственного друга, вовсе того не желая, и сожаление тяжким камнем лежало у неё на сердце.

– Прошлого не исправить, – будто прочитав её мысли,

продолжал волшебник, – однако мы можем позаботиться о будущем. Я уже поговорил с некоторыми горожанами. Они согласились со мной и заверили, что и прочие не станут возражать.

– Что именно вы предлагаете? – спросила мама, а Лета затаила дыхание.

– Деревья нужно спрятать, – ответил маг.

– Как это? – растерянно спросила Лета. – Вы хотите их забрать? Куда?

– О нет, вовсе нет! – ответил волшебник. – Деревья останутся здесь, хотя, можно сказать, и не вполне... Если всё получится, никто и ничто не сможет им навредить – они будут надёжно укрыты не только от взоров живых существ, но и от холода. Есть одна древняя формула, мощное заклятие. Сам я применял его лишь однажды и то не в полную силу. Теперь же мне и это недоступно. Однако есть тот, кто сможет это сделать, ибо магия у него в крови.

– Гилас... – еле слышно произнесла Лета.

– Верно, – сказал волшебник. – И он уже дал своё согласие. Хотя, признаться, пришлось изрядно потрудиться, чтобы он меня выслушал...

Оказавшись в сердце леса, Гилас, к великой радости волшебника, почти тотчас ожил: оцепенение покинуло его, будто сон. Он пошевелился, глубоко вздохнул, сел и огляделся. Но, едва увидев перед собой незнакомца, он исчез – перед

взором волшебника мелькнула изумрудная искра, которая в мгновение ока скрылась за деревьями.

Долгие часы бродил по лесу волшебник в поисках Гиласа, снова и снова взывал он к нему именем тех созданий, что были Гиласу дороже всего на свете. Он не знал, слышит ли его лесной житель, однако не оставлял надежды. И вот, когда голос его ослаб и стал звучать тише, Гилас наконец показался. Он держался поодаль, хмуро глядя на чародея единственным глазом.

– Он больше не появится? – спросил он наконец.

Волшебник покачал головой.

– Змей вернулся в своё тёмное логово и вновь погрузился в глубокий сон, в котором пребывал многие годы, – сказал он.

Тогда взгляд Гиласа смягчился.

– Я благодарен тебе, – сказал он, – и потому выслушаю. Но прежде я должен собственными глазами увидеть, что случилось с деревьями.

И вместе они отправились к холму.

Уже укутанные тёплой и мягкой паутиной, чудо-деревья, как и прежде в эту пору года, погружались в безмятежный сон – так сказал бы всякий, кому было неизвестно о том, что случилось накануне. Да и тот, кто был тому свидетелем, не заметил бы ничего необычного. Однако Гилас, едва оказавшись у роши, вздрогнул, будто от испуга. Он принялся ходить от одного дерева к другому, касаясь каждого дрожа-

щими руками.

– Несчастные создания, – едва слышно прошептал лесной житель.

Волшебник, что наблюдал за своим спутником, опершись на посох, различил лишь эти два слова. Потом Гилас забормотал что-то неразборчивое, а когда добрался до дерева, что приняло на себя удар острых змеиных клыков, тяжело вздохнул. Он обнял ствол прекрасного растения и замер, будто бы негласно обращаясь к нему с утешением, а затем промолвил:

– Жаль, я не умею плакать, как люди. Великий дар – слёзы...

Волшебник, что до той поры безмолвно наблюдал за ним, осторожно спросил:

– Что с ними? Живы ли они?

Гилас обернулся к магу и, снова вздохнув, кивнул.

– Живы, – ответил он при этом, – но боль их велика. Златоглазый ужас оставил глубокие раны не только своими клыками. Я надеялся, что встретился с ним лицом к лицу лишь единожды и больше никогда не увижу его, однако он явился в эти края. Долгие годы, капля за каплей, тянул он из деревьев жизнь, и долго я вёл с ним борьбу. По временам он отступал, но неизменно являлся вновь. Однако я не терял надежды, что сумею навеки прогнать его из этих мест. Не знаю, преуспел бы я в этом или нет... И всё же мне удавалось сдерживать его алчность и смягчать зло, что он причинял. Никогда прежде зубы его не ранили их так глубоко, теперь же...

Тут Гилас замолчал и обвёл рощу печальным взглядом.

– Неужели всё напрасно? – поражённо спросил волшебник.

Ответ он услышал не сразу.

– Гибель подобралась к ним очень близко, – промолвил наконец Гилас. – Как я сказал, раны от клыков глубоки, но ещё глубже печаль, что поселилась в их душах. Они горюют, видя страдания своего родича. Однако не всё потеряно. Вечный лекарь исцелит их, если больше их никто не потревожит. Вот только не в моей власти дать им надёжную защиту.

– Мне это также недоступно, – сказал на это волшебник. – Пусть даже остались бы со мной прежние силы, их было бы мало. Но знания по-прежнему при мне.

– Что значат твои слова? – спросил Гилас.

– Думаю, нам вполне по силам помочь этим созданиям, – ответил волшебник. – Объединившись, мы сможем их сберечь.

Долго ещё длилась их беседа, и, хотя вечер начал окутывать холм тенями, лица мага и лесного жителя светились надеждой. Словно старые друзья, тепло простились они друг с другом. Волшебник постоял немного, наблюдая, как яркая изумрудная искра устремляется к лесу, и, когда та скрылась среди деревьев, отправился обратно в город.

– Завтра мы встретимся вновь, – завершил свой рассказ чародей. – С первыми лучами солнца я отправлюсь к холму.

Лета, что затаив дыхание слушала мага, поспешно спросила:

– А можно ли и мне пойти? Я бы хотела... – Тут голос её прервался, и девочка всхлипнула. – Я так виновата, – чуть слышно добавила она.

Волшебник пристально посмотрел на неё и тепло улыбнулся.

– Ты меня опередила, – сказал он. – Я и сам хотел спросить, пойдёшь ли ты со мной, ибо твой друг просил об этом.

Глаза Леты изумлённо расширились.

– Вы думаете, он простит меня? – спросила она с опаской, потому что боялась услышать ответ.

– Я думаю, лучше тебе спросить об этом у него самого, – ответил волшебник. – Я не столь хорошо с ним знаком, чтобы судить о таких вещах. Однако злопамятным он мне не показался... – Тут он опять улыбнулся и добавил: – А вот в чём я уверен, так это в том, что сейчас всем нам нужен отдых. Признаться, я порядком утомился.

Лете, мысли которой беспокойно метались в голове, казалось, что уснуть этой ночью ей не суждено. Однако спустя лишь несколько мгновений после того как она легла в постель, она забылась спокойным и крепким сном.

Тёмная ночь сменилась ясным утром. Едва солнце снова выглянуло из-за горизонта, дверь дома на окраине городка отворилась, и из неё вышли двое: высокий маг и маленькая девочка. Один сжимал в руке посох, вторая несла альбом.

Выйдя на дорогу, они остановились. Волшебник взглянул на девочку и улыбнулся, та с улыбкой же кивнула в ответ, и они продолжили свой путь.

Ни один не произнёс ни слова до тех пор, пока на их пути не встал холм, на плечах которого спала роща прекрасных деревьев. Только тогда девочка, взволнованно оглядевшись по сторонам, проговорила:

– Пожалуй, мне лучше подождать здесь.

Ответить на эти слова волшебник не успел, потому что из уснувшей рощи до них донёсся голос:

– Не робей, Одуванчик, подойди.

Лета обернулась. Без всякого сомнения, это был он, её дорогой лесной друг! Как и прежде, он возник будто бы из ниоткуда и теперь стоял на вершине холма, прислонясь к стволу чудо-дерева и глядя на девочку единственным зелёным глазом. И во взгляде его не было ни осуждения, ни обиды, которые Лета так страшилась увидеть.

Словно яркое солнце вдруг вспыхнуло в её душе, в один миг разогнав притаившуюся там грусть. Выронив любимый альбом, Лета бросилась вверх по холму. Сердце её билось от счастья, а по щекам текли слёзы, когда она крепко обняла Гиласа. А тот, обняв её в ответ, тихо повторил слова, что сказал накануне:

– Как жаль, что мне не дано плакать...

А у подножия холма стоял волшебник и радостно было ему видеть, как беседуют две невысокие фигурки.

– Я так виновата, – произнесла Лета, когда слёзы высохли, и она вновь взглянула на Гиласа. – Простите ли вы меня?

– Я уже простил тебя, Одуванчик, – ответил тот и вздохнул. – В том, что случилось, есть и моя вина. Мне следовало больше доверять тебе. Слишком долго хранил я в своём сердце обиду на людей. Не будь я так скрытен и мстителен, всё могло бы сложиться иначе. Я и сам чуть было не погубил тех, кто мне так дорог. – Гилас помолчал, а затем продолжил: – Но что проку в сожалениях? Как бы то ни было, нужно жить дальше: оступаться, падать, но вновь подниматься и продолжать путь. Так мы и поступим.

С этими словами он обернулся и кивнул волшебнику, что ждал у холма.

– Что я должен делать? – спросил он, когда маг приблизился.

– Почти ничего, – ответил тот и, обращаясь к Лете, добавил: – А тебе лучше отойти подальше. Магия – явление небезопасное, не будем искушать судьбу. Но можешь посмотреть издали, вместе с остальными.

Тут только Лета заметила, что у холма собрались люди. Немало горожан пришли в последний раз взглянуть на чудесные деревья. Не было среди них ни одного, кому хотелось бы расстаться с любимой рощей, и печаль была в их глазах, но всё же лица их были светлы и спокойны.

Лета увидела среди горожан маму и тётушку Селесту и, подобрав альбом, который она выронила, спеша к своему

другу, поторопилась к ним. Вместе со всеми увидела она, как волшебник воткнул посох в холодную землю, как кивнул своему спутнику и что-то произнёс, как тот, по примеру мага, тоже сжал посох рукой и тихо заговорил. Затем он умолк, волшебник же продолжал.

Поначалу голос его был слышен лишь им двоим, но вскоре и все, кто стоял у подножия холма, различили слова заклинания. Таинственные фразы разлились в холодном утреннем воздухе. Теперь они звучали громко и торжественно, вселяя в сердца тех, кто им внимал, изумление и восторг.

А в следующий миг роща вспыхнула мириадами ярких искр, словно чья-то невидимая рука рассыпала повсюду несметное число алмазов. Едва возникнув, закружились они вокруг чудо-деревьев, сплетаясь в сияющие нити и обвивая каждый ствол и все до единой ветки. Искрящиеся гирлянды танцевали под музыку голоса, а воздух звенел от магии. Тут волшебник выкрикнул новое слово, отчего деревья, до той поры стоявшие недвижно, как показалось всем, словно бы вздохнули – так вздыхает мирно спящий человек, которому привиделось во сне нечто необычайно прекрасное. Тотчас их стволы и ветви сделались прозрачными, как речная вода, а затем, озарившись мягким сиянием, задрожали и пропали, будто унесённое ветром видение. Остались лишь алмазные гирлянды, всё ещё повторявшие очертания дивных растений, но и они вскоре, вспыхнув напоследок, исчезли. Теперь на холме, где прежде была роща, стояли лишь две фи-

гуры – высокая и низенькая. Всё вокруг смолкло, и воцарилась тишина.

В безмолвии встретили люди мага и жителя леса, когда те спустились с холма. Без слов поклонились они защитнику деревьев, которого ещё недавно считали их губителем, и он ответил им тем же. Он понял и принял всё, о чём говорили их глаза, и сам в ответ просил прощения. С лёгким сердцем возвращались люди в свои каменные дома, и светло было на душе у того, кого ждал дом лесной.

– Что ж, дорогой Одуванчик, – сказал Гилас, подойдя к Лете, – пришло время и нам проститься.

– Мы больше не увидимся, – тихо произнесла девочка, и это был не вопрос.

– Так будет лучше, – столь же тихо проговорил Гилас. – Ты и сама понимаешь это.

Лета кивнула.

– Я всегда буду помнить о вас, – сказала она и улыбнулась.

– Могу ответить тебе тем же, – проговорил Гилас и, помедлив, добавил: – Исполнишь ли ты на прощание одну мою просьбу?

Лета снова с готовностью кинула.

– Оставь мне свой альбом, – попросил Гилас, – в знак дружбы и на память о себе. Если только я не слишком о многом прошу.

– О, вовсе нет! – воскликнула Лета. – Я с радостью отдам его вам! По правде, я и сама хотела...

С этими словами она протянула другу альбом, что сжимала в руках.

– Вот только он немного... пострадал, – смущённо добавила она. – Обложка запачкалась и помялась.

– Что верно, то верно, – усмехнулся Гилас, принимая подарок. – Но это не беда, всё поправимо. Благодарю тебя и даю слово, что буду беречь твоё сокровище.

Тут к ним подошла мама, которая до сих пор ждала поодаль.

– Оставайтесь ещё ненадолго, – попросила она. – Примите подарок и от нас.

На лице Гиласа вспыхнуло любопытство, которое сменилось восторгом, когда он увидел, что принесли ему на прощание горожане. То был огромный круг ярко-жёлтого, словно летнее солнце, сыра, безмерно вкусного и ароматного. При виде любимого лакомства лесной житель преобразился так, что изумлённым горожанам почудилось, будто перед ними не загадочное древнее создание, что многие века жило на свете, прежде чем появились они сами, а милое наивное дитя, которое с восторгом и удивлением глядит на новый, незнакомый мир. С большой радостью принял Гилас дар людей. Широко улыбаясь, он вновь склонил голову в знак благодарности.

– Да будет ваша жизнь спокойной и счастливой, – промолвил он.

И тотчас на месте, где он стоял, вспыхнул и замерцал зе-

лёный огонёк. Он облетел оставшихся на лугу горожан, будто бы танцуя в воздухе, и устремился в сторону леса, а те провожали его взглядами, в которых светилась радость. Когда же зелёная искорка исчезла вдали, Лета подошла к волшебнику и взяла его за руку.

– А вы останетесь с нами? – смущённо спросила она. –
Прошу вас, оставайтесь!

Волшебник ответил не сразу. Он взглянул на маму девочки, и та кивнула, тепло улыбнувшись.

– Что ж, – произнёс наконец волшебник и слегка сжал ладошку Леты, – пожалуй, я отвечу на твою просьбу: «С радостью».

А следующей весной, когда после дождя на небе вновь появилось весёлое улыбчивое солнце, жители прекрасного городка слышали то, что ещё не так давно, казалось, было утрачено для них навсегда. Чудесная мелодия, как и прежде, разнеслась над зеленеющим лугом. И снова вторили ей звонкие птичьи голоса. И пусть невысокий холм за речкой был пуст, и вокруг него не разливалось золотое сияние, души людей наполнились счастьем. И впредь всякий путник, которому в такую пору случалось там пройти, дивился музыке, звучащей словно бы ниоткуда. Поражённый этим чудом, он ненадолго замирал у холма, а затем, будто очнувшись от приятного сновидения, с лёгким сердцем продолжал свой путь.